

6326

П. А. Аристе

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЛИВСКОГО ЯЗЫКА

I

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс указывает, что каждое племя должно было иметь свою область и свое название. Кроме области фактического поселения, каждое племя располагало еще обширной территорией для охоты и рыбной ловли. Нейтральная полоса между поселениями родственных племен была менее широка, чем между чуждыми по языку племенами. Для обозначения того или иного племени соседи последнего пользовались иногда тем же названием, какое употреблялось самим этим племенем, но у них могло быть в ходу и совершенно другое название для того же племени. Каждое племя имело свой особый диалект. Фактически понятия племени и диалекта в основном совпадали. Новые племена и диалекты складывались обычно путем дифференциации племен. Находившиеся в кровном родстве племена могли объединяться в племенные союзы¹.

Из родовых языков развиваются племенные, из племенных — языки народностей и, наконец, из языков народностей — языки национальные. Однако, на всех этапах развития язык как средство общения людей в обществе остается общим и единым для всех членов общества.

В настоящей статье мы рассматриваем основные этапы развития ливского языка и ливской народности. В первую очередь следует остановиться на вопросе о том, каковы были древнейшие племенные отношения прибалтийских финнов и как образовались современные прибалтийско-финские нации и народности.

В области исследования прибалтийско-финских языков в финно-угроведении долгое время господствовала теория, выдвинутая младограмматиками во главе с Э. Н. Сетеле. По мнению Э. Н. Сетеле, примерно за 2500 лет до н. э. существовала «финно-угорская» эпоха; и за 1000 лет — «финно-пермская» эпоха. Затем, по предположению Сетеле, «финно-пермская общность» постепенно распалась, причем северная и восточная части этой языковой области, с одной стороны, и южная и западная части — с другой, образовали отдельные языковые группировки. Последняя из них и легла якобы позднее в основу волжских (мордовского и марийского) и прибал-

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1949, стр. 93.

тийско-финских языков (ливского, эстонского, водского, финского, карельского и вепсского). Вслед за Сетеле полагали, что общая для волжан и прибалтийских финнов эпоха окончилась в последние века до н. э. и что одно племя «волжско-финской» группировки отделилось тогда от других племен и приблизилось к Балтийскому морю. Считалось, что отделившееся племя говорило на так называемом прибалтийско-финском языке, из которого позднее, в первом столетии н. э., развились современные прибалтийско-финские языки. Эта хронология Э. Н. Сетеле несостоятельна. Данные археологии опровергают утверждение Сетеле о том, что прибалтийско-финские племена приблизились к Балтийскому морю лишь немногим больше, чем две тысячи лет назад. Данные исследований советских археологов говорят о том, что прибалтийско-финские племена находились между Западной Двиной и Финским заливом уже в начале второго тысячелетия до н. э. Об этом же свидетельствуют и языковые данные. Связь между волжскими и прибалтийско-финскими языками прекратилась значительно раньше, так как прибалтийско-финские и волжские языки в настоящее время так далеки друг от друга, что взаимное понимание носителей тех и других языков совершенно невозможно. Сравнение отдельных прибалтийско-финских языков приводит нас к убеждению, что, хотя отдельные прибалтийские народности и предшествовавшие им племена не имели соприкосновений в течение столетий и даже тысячелетий, их языки все же весьма близки друг к другу, например, ливский и вепсский или же эстонский и вепсский языки. Если на протяжении не менее двух тысячелетий эстонский и вепсский языки оставались близкими друг другу, то представляется невероятным, чтобы прекращение связи с предками мордвы и марийцев дало возможность прибалтийско-финским и волжским языкам в течение двух тысячелетий так далеко отойти в своем развитии друг от друга. Как известно, современные волжские языки весьма сильно отличаются от прибалтийско-финских языков не только в фонетическом, но и в лексическом и грамматическом отношениях. Если говорить о языковой общности прибалтийских и волжских языков, то эта общность должна быть отнесена к значительно более далекому прошлому, чем до сих пор полагали, следуя теории Сетеле.

По данным археологии, территория, которую позднее заняли эстонцы, ливы и другие прибалтийско-финские племена, непрерывно заселялась уже на протяжении последних тысячелетий до н. э. Примерно за 500 лет до н. э. начинают определяться и границы между позднейшими племенными группировками. Археологические данные подтверждаются и языковым материалом. Ряд существенных черт, отличающих друг от друга отдельные прибалтийско-финские языки или диалекты, несомненно возник до нашей эры, но значительно раньше, чем полагал Сетеле. То, что прибалтийско-финские племена находились вблизи Балтийского моря уже задолго до н. э., было подтверждено и заимствованиями из балтийских языков, т. е. из племенных языков предков современных латышей и литовцев. Эти заимствования имеют очень древний облик. Они перешли

к прибалтийским финнам уже в то время, когда прибалтийско-финские и волжские языки были фонетически еще очень близки друг к другу.

Важным свидетельством того, что прибалтийские финны жили задолго до н. э. вблизи Балтийского моря, является и язык лопарей или саами, которые жили к северу от прибалтийских финнов в Финляндии, в Карело-Финской ССР и т. д. Советское финно-угроведение доказало, что так называемые протолопари говорили на языке, близком к самодским языкам. Позднее лопари перешли на финно-угорскую речь. Современный саамский язык свидетельствует о том, что протолопари усвоили финно-угорскую речь от прибалтийских финнов еще в то время, когда язык прибалтийско-финских племен был гораздо ближе к мордовским языкам.

По теории Э. Н. Сетеле, единое прибалтийско-финское племя с общим племенным языком со временем распалось на ряд племен с их диалектами, из которых позднее образовались самостоятельные языки. Расположение племен по географическому признаку (в направлении с севера на юг), если следовать Сетеле, было бы следующее:

каляне	
ямь	
финны	
водь	
эстонцы	карелы
ливы	весь (вепсы)

Если верить этой схеме, карелы жили восточнее эстонцев, весь — восточнее ливов. Согласно этой же схеме, ливский и вепсский языки должны быть особенно близки друг к другу. На предположение о близком родстве ливского и вепсского языков Э. Н. Сетеле натолкнул тот факт, что в этих языках имеются сходные элементы позднейшего развития. Между тем ливский и вепсский языки более далеки друг от друга, чем ливский язык от ряда других прибалтийско-финских языков.

Как мы видели, Э. Н. Сетеле различал всего восемь древних племен¹. Однако данные прибалтийско-финских языков ни в коей мере не подтверждают эту схему. Причинами ошибочности схемы Э. Н. Сетеле были отсутствие объективных данных и неисследованность этногенеза прибалтийско-финских языков. В 30-х годах XX в. была выдвинута схема Л. Кеттунена, которая представляет сложную систему искажения имеющихся данных для достижения заранее поставленных шовинистических целей.

Согласно «теории» Кеттунена, жившее некогда к югу от Финского залива «прафинское население» около 2000 лет назад распалось на отдельные племена. На западе в бассейне Западной Двины жили ливы, а к северу от них эсты, разделявшиеся на две ветви. Ближайшим восточным

¹ Д. В. Бубрих, повидимому, также был сторонником этого традиционного разделения племен. См. его «Историческую фонетику финского-суоми-языка». Петрозаводск, 1948, стр. 11 и след. Однако Д. В. Бубрих неоднократно решительно выступал против признания финнов (суоми) «основным» племенем прибалтийско-финской группы.

соседом эстов Кеттунен считает племя ямь, далее к востоку, по мнению Кеттунена, обитала весь. Водское племя возникло будто бы лишь спустя несколько столетий из осевших к югу от залива ями и эстов, с которыми, повидимому, «до известной степени» смешалась и весь. Карелы, по «теории» Кеттунена, были лишь восточным племенем финнов, а ижорцы первоначально являлись восточными финнами. Целью Л. Кеттунена было доказать, что финны являются каким-то основным племенем, из которого впоследствии развились другие прибалтийско-финские племена или с которым другие прибалтийско-финские племена были непосредственно связаны в период своего зарождения. По Л. Кеттунену, географическое расположение древних прибалтийско-финских племен было следующее¹:

эстонцы	ямь	весь
ливы		

На юг от эстонцев жили, по его мнению, ливы и на восток от эстонцев — ямь и весь.

О чем же, однако, говорят фактические языковые данные древнейших и позднейших группировок прибалтийско-финских племен?

Судя по языковым данным, ливская племенная группировка была одной из древнейших самостоятельных группировок. В основном словарном фонде ливского языка имеется много таких слов финно-угорского происхождения, которых не знают другие прибалтийско-финские языки, например: *ruja* — «больной», *umar* — «яблоко», *salandō* — «красть», *tärgōz* — «перо», *kāla* — «остров», *sēmda* — «молоко» и т. д. Грамматический строй ливского языка также содержит ряд черт, не известных другим прибалтийско-финским языкам, как, например, дательный падеж, соответствие которому имеется в мордовском языке (лив. *lapsdn* — «ребенку», эзя-морд. *цѣранень* — «мальчику, сыну»), своеобразные отношения чередования ступеней согласных и многие другие. Второй древней племенной группировкой следует считать южноэстонскую, третьей — северноэстонскую. Южноэстонские диалекты отличаются от северноэстонских рядом весьма древних черт. Особенно заметны различия в словарном составе (некоторые фонетические расхождения отмечены нами ниже). Встречаются также древние морфологические различия, например: *kana?* (<*kanak) — «куры» — в южной Эстонии и *kanad* (<*kanat) — в северной Эстонии. Граница распространения южноэстонской племенной группировки проходила прежде южнее, чем в настоящее время. Северноэстонская племенная группировка простиралась в своей северо-восточной части до некоторой степени и на восток от реки Наровы. Если предположить, что ямь перешла залив откуда-нибудь с юга, то на основании языковых данных ее исходную область следует искать в северо-восточной части территории распространения северноэстонских племен-

¹ L. Kettunen Suomen asutushistoria kielimaantieteen valossa. — «Suomen Tiedeakatemia Esitelmät ja Pöytäkirjat», 1946, стр. 81.

ных говоров, так как современный эстонский диалект этой области и водский язык по некоторым древним чертам действительно близки диалекту ями. Старыми прибалтийскими племенами являются также весь и корела. Прошлое весь и корелы получило на основании языковых данных лучшее освещение, чем прошлое ряда других прибалтийско-финских народностей и паций. Большая работа в этой области была проделана Д. В. Бубрихом¹. Можно предполагать, что карелы были восточными соседями жившей к востоку от Наровы части северных эстонцев, позднейшей води. Однако ядро карельского племени занимало область между Финским заливом и Ладожским озером. Еще более к востоку от корелы, и отчасти южнее, жила весь (вепсы). «Собственно финны» окрестностей г. Турку окончательно сформировались в результате того, что в то время, когда северно-эстонская диалектная группировка уже приняла определенный облик, с южного берега Финского залива сюда прибывали все новые переселенцы. Вследствие этого диалект юго-западных финнов содержит ряд эстонизмов. Ижорцы являются самой западной ветвью карелов, которые с течением времени сложились в самостоятельную народность, имеющую свой собственный язык. Доказательством того, что ижора ответвилась от корелы, служит уже и тот факт, что ижорцы местами называют себя карелами, а у води они известны под названием *karjalaizõd*. В старых эстонских народных песнях под корелой также понимается именно ижора. Таким образом, древние прибалтийские племенные группировки можно расположить следующим образом:

	ямь			
	северные	эстонцы	карелы	вепсы
ливьы	южные	эстонцы		

Язык, как известно, является одним из важнейших признаков, определяющих существование рода, племени, народности и пации. В дальнейшем на основании языковых данных мы попытаемся установить, каков был путь формирования ныне бытующего ливского языка и каковы были его связи на протяжении веков с ближайшим по родству эстонским языком и с соседними языками. Прослеживая развитие языка, можно также показать, каким путем складывалась ливская народность.

Древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» приводит подробные данные о расселении восточных славян и их соседей незадолго до объединения восточных славян под властью киевских князей. В числе соседей восточных славян здесь упомянуты и ливы (либь). По Западной Двине, на берегах и в устье которой жили ливы, проходил важнейший древний путь в область кривичей. Следовательно, данные летописи указывают также на то, что уже в далеком прошлом ливы были самостоятельным прибалтийско-финским племенем.

¹ Д. В. Б у б р и х. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

II

Относительно бытующего в современной Латвийской ССР ливского языка буржуазными учеными высказывалось мнение, что он сохранился до наших дней главным образом по той причине, что у него были тесные связи с эстонскими диалектами о. Сааремаа¹. По мнению этих ученых, расселение среди ливов эстов с о. Сааремаа способствовало сохранению ливского языка. В действительности же бесспорен лишь тот факт, что ливский язык и диалекты о. Сааремаа в течение последних веков находились в постоянном общении. Уже при беглом ознакомлении с ливским языком можно заметить, что он заимствовал отдельные черты из эстонского языка, причем главным образом в области словарного состава. Между тем проблема взаимоотношения эстонского и ливского языков до сих пор не была подвергнута ближайшему рассмотрению (если не считать нескольких курсовых работ студентов Тартуского государственного университета). Постановка же этой проблемы является тем более важной, что ее разрешение помогло бы выяснить вопрос о том, является ли ныне бытующий ливский язык все еще подлинным ливским языком или какой-то ливско-эстонской смесью.

Исследованиями акад. И. А. Шегрена и Ф. И. Видемана² было окончательно установлено, что ливский язык является самостоятельным прибалтийско-финским языком, а не каким-то эстонским диалектом, как это прежде полагали некоторые авторы. К тому же, как указывалось выше, с точки зрения финно-угорского языкознания не подлежит сомнению, что ливский язык является одним из древнейших прибалтийско-финских племенных языков. Из общего прибалтийско-финского языка-основы язык предков ливов первоначально выделился в виде диалекта, а затем постепенно сформировался в самостоятельный язык, подобно тому, как и другие древние языки прибалтийско-финских племен первоначально представляли собой лишь диалекты одного языка.

Отметим, что одно южноэстонское племя носит, в сущности, то же название, какое применяется к ливам, а именно — л е й в ы; последние представители этого племени живут на территории Латвийской ССР в отдельных деревнях, расположенных между городами Апе (эст. Хона) и Лелециемс (эст. Аламыйза). В диалекте лейвов долгое *i* развилось в *ei*: лейв. *peim* — «молоко», эст. *pim*; лейв. *lein* — «город», ю.-эст. *lin*, с.-эст. *linn*. Таким образом, формы *liivi* и *leivi* могут быть фонетическими вариантами одного и того же слова. Наличие прежнего племенного названия у двух различных народностей не представляет собой исключительного или слу-

¹ L. K e t t u n e n. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938, стр. IX.

² Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-etnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. W i e d e m a n n. St. Petersburg, 1861.

чайного явления. Как известно, соответствия названию «славяне» встречаются в различных местах, например, у новгородских славян или словен, у словен в Югославии, у словаков в Чехословакии, у словинцев в северной Польше и т. д. Общее наименование ливов и одного из южноэстонских племен указывает на прежние непосредственные связи эстов и ливов уже в те времена, когда еще ни ливская, ни эстонская народности не сформировались и когда были еще в ходу племенные названия. Если же эстонская и ливская народности уже сформировались в то время, когда образовалось указанное выше общее название, то взаимоотношения этих народностей должны были быть особенно тесными и их связи должны, повидимому, восходить к далекому прошлому.

Согласно Хронике Генриха Латвийского, а также археологическим данным, в начале XIII в. у ливов и южных эстонцев не было общих непосредственных границ. В соседстве с эстонскими племенами оанди и сакала жили латыши-летгалы. Земля же ливов Метсеполе доходила до самой границы области эстонского языка лишь в том месте (к западу от густо заселенной южноэстонской земли Алистекунд), где имелось лишь редкое население. Однако ранее племена-предшественники ливов и эстов в восточной части, повидимому, жили ближе друг к другу. Несмотря на то, что в территориальном отношении ливы были ближе к южным эстонцам, чем к северным, все же нельзя сказать, чтобы ливский язык и южноэстонские диалекты имели между собой большее количество общих черт, чем тот же ливский язык и северноэстонские диалекты. Правда, в ливском языке имеются отдельные слова, соответствия которым мы находим главным образом или исключительно в южноэстонских диалектах, таковы, например: лив. *āgi* — «серый», ю.-эст. *hahk*; лив. *ēņ*, *ēņōz* — «дятел», ю.-эст. *hähn* (в ливском языке *h* исчезло); лив. *kura* — «левый», ю.-эст. *kura*; лив. *libdō* — «щелок», ю.-эст. *libe*, *lipō*; лив. *pin* — «собака», ю.-эст. *peni*, *pini*; лив. *peizō* — «согреться», *peistō* — «согревать», *peislō* — «согреваться», ю.-эст. *peesümä* ~ *peesimä*, *peesütämä* ~ *peesitämä* и *peeslemä*; лив. *ūrgōz* — «ручей», ю.-эст. *urg*; лив. *ällō* — «качаться», ю.-эст. *hällümä* ~ *hällimä*; лив. *land* — «лужа грязи», ю.-эст. *land* — «стоячая лужа»; лив. *kukki* — «насекомое, жук», ю.-эст. *kusikuklane* — «муравей»; лив. *jūrmatō* — «пьянеть», ю.-эст. *hürmistämä* — «пугать, страшить» и т. д. Имеются и такие ливские слова, которые фонетически ближе к их южноэстонским, чем северноэстонским соответствиям, например: лив. *mōisa* — «лес», ю.-эст. *mōts*, с.-эст. *mets*; лив. *nana* — «нос», ю.-эст. *nōna*, с.-эст. *nina*; лив. *aina* — «сено», ю.-эст. *hain*, с.-эст. *hein*; лив. *sālgā* — «спина», ю.-эст. *sālg*, с.-эст. *selg*; лив. *kānga* — «башмак», ю.-эст. *kāng*, с.-эст. *king*; лив. *lōnag* — «юго-восток», *lōnagist* — «обед», ю.-эст. *lēna?* < **lēnak*, с.-эст. *lōuna*, диалектн. *lōunat* < **lēunat*. Однако случаев совпадения ливского языка с южноэстонскими диалектами, в противоположность северноэстонским, наблюдается все же не слишком много, так что нельзя говорить о явном ближайшем родстве ливского языка и южноэстонских диалектов.

Начиная с Ф. И. Видемана, нередко утверждалось, что южноэстонские языковые формы все же наиболее близки к ливским¹. Предположение Видемана было ошибочным. Из приводимых им эстонских соответствий ливским словам только часть действительно типична для южноэстонских диалектов, остальные же встречаются и в северноэстонских. К последним относятся: эст. *koolma* — «умереть» ~ лив. *kūolō*; эст. *sōsar* — «сестра» ~ лив. *sōsar*; эст. *susi* — «волк» ~ лив. *suiž*; эст. *vasar* — «молот» ~ лив. *vazar*; эст. *nurm* — «пашня» ~ лив. *nur̃m* ~ *nyrm* ~ *niřm* и т. д. Уже сам Видеман должен был признать, что в ливском языке содержится ряд слов и других элементов, сближающих, в свою очередь, этот язык с северноэстонскими диалектами. В доказательство этого приведем лексические данные, например: лив. *pārna* — «липа» ~ ю.-эст. *pähn*, *lōh-mus*; лив. *māggōr* — «барсук», в названии местности встречаем: *Māggōrnum*, эст. «*Mägerndomm*» ~ ю.-эст. *kähr*; лив. *pōzōz* — «куст», эст. *pōdsas* ~ ю.-эст. *puhm*, *puhmas*; лив. *voddōrz* — «ячмень» < ю.-эст. *kesv*; лив. *sipriki* — «муравей», ю.-эст. *kusirautsik* и др.; лив. *syļ* — «лоно», ю.-эст. *ūsk*; лив. *piezō* — «мыть», ю.-эст. *mōskma*; лив. *kikim* — «в путях», ю.-эст. *lōōg*; лив. *nim* — «пустошь», ю.-эст. *palu*; лив. *pēgal* — «большой палец», ю.-эст. *pāss*; лив. *syž* — «уголь», ю.-эст. *hūtsi*; лив. *akkō* — «хватать, хвататься, ловить», ю.-эст. *nakkama*; лив. *kōvistōm* — «оселок», ю.-эст. *luisk*. Что же касается старых фонетических и морфологических черт, разделяющих северные и южные эстонские диалекты, то в ливском языке представлен ряд северноэстонских особенностей, например: с.-эст. *kaks* — «два» (род. пад. *kahe*) ~ ю.-эст. *kats* (род. пад. *katō*); с.-эст. *laps* — «ребенок», ю.-эст. *lats*; с.-эст. *vahtu* — «пена», ю.-эст. *vaitu*, которым в ливском языке соответствуют *kakš* (род. пад. *kād* < *kaht*), *lāpš* (род. пад. *laps*), *vādō* < *vaht*. В морфологическом отношении ливский язык также близок к северноэстонским диалектам, если иметь в виду древние различия между северными и южными эстонскими диалектами, например: с.-эст. *kirjutab* — «пишет», ю.-эст. *kirotass*; с.-эст. *kūlas* — «в деревне», ю.-эст. *külän*, *külähn*, *küläh*; с.-эст. *kanad* — «куры» и ю.-эст. *kana?* < **kanak*. В ливском языке мы имеем *kēratōb*, *kylas* (-*kūlaš* ~ *kīlaš*), *kanad*. Во всяком случае, о ныне бытующем в Дундаге ливском языке можно сказать, что в своем современном виде он все же в основном более близок к северноэстонским, чем к южноэстонским диалектам. Вымерший ливский диалект Салатси, от которого сохранились некоторые записи, также не обнаруживает особенной близости к южноэстонским диалектам.

Когда ливский язык сформировался из одной части древнего прибалтийско-финского языка-основы в самостоятельную единицу, он уже в эту пору по своему словарному составу, повидимому, во многом отличался как от эстонского, так и от других прибалтийско-финских языков. Приведем ряд типичных для ливского языка слов, отсутствующих в основ-

¹ Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben..., стр. XCVI.

ном словарном фонде других прибалтийских языков: *jōtas* — «прут», *tabar* — «хвост», *salandō* — «воровать», *umar* ~ *umars* — «яблоко», *sēmāda* — «молоко», *ruja* — «больной», *kāla* — «остров», *kard* — «запах», *pāgiņ* — «много», *yrđō* (-*ūrda*, *īrda*) — «привыкать», *tygmōz* (-*tū'gmaz*, *tī'gmaz*) — «головной или костный мозг», *mūma* — «икра», *nodal* — «крапива», *lōvž* (мн. ч. *lōdad*) — «сосновая кора», *lōvrōz* — «дорогой» и т. д.

В фонетическом отношении ливский язык в более ранние времена мало чем отличался от эстонского. Значительные фонетические различия, существующие в настоящее время, возникли в результате позднейшего развития ливского языка. Важнейшим древним различием являются особенности ливского чередования ступеней согласных. В ливском языке чередование качества согласных значительно менее распространено, чем в эстонском. Общий же характер носит в обоих языках чередование долгот, прямого соответствия которому не имеется в других прибалтийско-финских языках, например: лив. *vačkā: vačkā* — «пурга», *mejsā: mejsā* — «лес», *rānda: rānda* — «берег», *tāla: tālā* — «зима»; ср. эст. *vačkā: vačka*, *mejsa: meisa*, *rañnā: rañDa*, *talvē: talve*. Чередование ступеней согласных вообще типично для прибалтийско-финских языков, но в отдельных языках оно представлено по-разному. Даже в разных диалектах одного и того же языка чередование может носить различный характер, как это наблюдается, например, в карельском и эстонском языках. Те племенные языки, из которых позднее развились эстонский и ливский языки, имели в далеком прошлом близкие соприкосновения, так как нельзя объяснить случайностью искони наблюдающееся в обоих языках однородное и весьма сложное чередование долгот. Эта особенность, несомненно, должна иметь общие истоки. Равным образом, нельзя думать, что ливский язык заимствовал когда-либо позднее чередование долгот из эстонского языка.

В морфологическом отношении ливский язык ближе к эстонскому, чем к какому-либо другому прибалтийско-финскому языку. Мы приведем здесь лишь несколько подтверждающих эту близость примеров. В ливском языке, как и в североэстонском, формы множественного числа на *t* (которое в ливском перешло в *d*) употребляются шире, чем в других прибалтийско-финских языках, например: лив. *kaladōn* — «рыбам», эст. *kala-dele*; лив. *kaladōks* — «рыбами», эст. *kaladeks*, *kaladega*. В ливском языке, как и в эстонском (и водском), приметой условного наклонения является суффикс *-ks-*: лив. *ma āndaks* — «я дал бы», эст. *ma annaksin*. Общими для ливского языка и североэстонских диалектов (как и водского языка) являются также формы прошедшего времени на *-s-*: лив. *ma āndiz*, *sa āndist*, эст. *ma andsin*, *sa andsid* — «я дал, ты дал». Сходны и отрицательные формы прошедшего времени как в ливском, так и в эстонском языках: лив. *iz ānda* — «я (он) не дал», *izt ānda* — «ты не дал», эстонское диалектное: *esin anna*, *esid anna*, *es anna* (диалект Кодавере), южноэстонское *es anna?* ~ *is anna?*. Эти отрицательные формы прошедшего времени встречаются во всей области южноэстонских диалектов и известны также во многих североэстонских говорах.

О ливском диалекте Салатси имеется сравнительно мало данных. Важнейшие из них собраны И. А. Шегреном. Однако имеющиеся записи этого диалекта во многом неточны, а материалы И. А. Шегрена в обработке Ф. И. Видемана пострадали от излишнего теоретизирования. Поэтому делать выводы, исходя из этих материалов, можно лишь с известной осторожностью. Исследователь ливского языка Л. Кеттунен полагает, что ливский язык следует вообще считать каким-то смешанным ливско-эстонским языком, причем этот смешанный характер свойственен якобы в особенности диалекту Салатси. Считалось почти бесспорным, что в записях этого диалекта отражается эстонизированный ливский язык¹. Автор настоящей работы не может согласиться с такой точкой зрения. Хотя ливы Салатси и жили близко от эстонцев, они все же не были их непосредственными соседями. Отсутствуют какие-либо данные о том, чтобы эти ливы общались с эстонцами интенсивнее, чем ливы Дундаги, живущие по другую сторону Рижского залива. Ливский диалект Салатси действительно может произвести впечатление «смешанного» языка, однако не ливско-эстонского, а скорее ливско-латышского. В то время, когда были сделаны записи в Салатси, последние ливы жили разбросанно среди латышей и все знали латышский язык. К тому же, незадолго до этого, ливский язык подвергся жестоким гонениям со стороны помещиков и пасторов. Ливы были объявлены «колдунами» и плохими христианами. Их расселяли поодиночке среди латышей. Помещики запрещали им говорить на ливском языке. С другой стороны, письменные памятники диалекта Салатси подверглись и некоторой германизации, так как более ранние записи были произведены немцами. Академик И. А. Шегрен также не знал латышского языка и, повидимому, пользовался в качестве вспомогательного немецким языком. Известно, что, находясь среди ливов Дундаги, Шегрен отдавал предпочтение собеседникам, знавшим немецкий язык². Среди слуг, работавших на мызах, в те времена встречались лица, знавшие до известной степени немецкий язык. На то, в какой мере пользовался при записях в Салатси немецкий язык, указывают приводимые у Шегрена и Видемана примеры фразеологии: *Sie om sie piškin*

¹ L. K e t t u n e n. Livisches Wörterbuch, стр. X. «Es ist kaum ein Zweifel, dass in den sprachlichen Aufzeichnungen, die uns aus diesem Dialekt vorliegen, oft nur eine solche Missprache angestrebt ist». Кеттунен фактически повторяет ошибочное мнение, высказанное еще во второй половине XVIII в. рижским пастором фон Эссеном, который полагал, что в Салатси уже не существовало более «чистого» ливского языка и что местный ливский язык смешался с эстонским языком.

² A. J. S j ö g r e n. Bericht über eine im Auftrage der Russischen Geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liven und Krewingen. — «Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg», т. I, Weimar, 1849, стр. 453—605. В сокращенном виде путевые заметки А. И. Шегрена вышли и на русском языке: «Извлечение из отчета, представленного Русскому Географическому Обществу сотрудником А. Шегреном об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию». — «Записки РГО», т. II. СПб., 1847, стр. 253 и след.

nänt amatst = *er ist der kleinste von Allen* — «он самый младший из всех»; *juks nelä kantli koda* = *ein viereckiges Haus* — «четырёхугольный дом». В этих предложениях употребление ливских слов *sie* и *juks* совпадает с употреблением немецких слов *der* и *ein*. Вообще же ливский диалект Салатси в дошедшем до нас виде представляет собой типичный образец вымирающего языка, носители которого без определенной последовательности подчиняют свою речь нормам какого-либо другого языка (в данном случае латышского). Что же касается эстонизмов, то в диалекте Салатси мы находим их не больше, чем в современном ливском языке Дундаги. В словарном составе диалекта Салатси можно усмотреть влияние эстонского языка в таких словах, как *kål* — «шея», эст. *kael*; *käräd* — «овес», эст. *kaerad*; *pāla* — «лента, шнурок», эст. *pael*; *jēle*, *jēli* — «вчера», эст. *eile*, которым в языке ливов Дундаги соответствуют *kaggōl*, *kaggōrd*, *paggōl*, *eggil* и т. д. В других словах и в диалекте Салатси встречается свойственный ливскому языку взрывной согласный: *mina nāgrub* — «смеюсь», эст. *ma naeran*; *nāgl* — «гвоздь», эст. *nael* и т. д., в диалекте Дундаги: *mina nāgrōb* ~ *nāgrub*, *paggōl*. Формы без взрывного согласного известны и в соответствующих южноэстонских диалектах, бытующих поблизости от прежней ливской области (Каркся, Халлисте), как и вообще в других южноэстонских диалектах: *kāl* — «шея», *kārā* — «овес» и т. д. Таким образом, в данном случае можно предполагать эстонское влияние. Возможно, что ливский язык Салатси развивался в том же направлении, что и эстонский, или же мы имеем здесь дело с фонетическими заимствованиями из эстонского языка. Эстонскими заимствованиями в языке ливов Салатси являются, повидимому, и такие слова, как лив. *eigus* — «право» ~ эст. *õigus*, лив. *lind* — «замок, крепость» ~ эст. *linn*; лив. *vanemad* — «родители» ~ эст. *vanemad*, и еще ряд отдельных слов, фонетически чуждых ливскому языку. Однако нельзя быть уверенным в том, что все эти зарегистрированные эстонизмы действительно представляют собой общее явление. Некоторые из них встречаются наряду с ожидаемыми ливскими соответствиями, например, *lind* и *nīn* (в диалекте Дундаги *nīn* — «замок»). Наличие фонетических и лексических эстонизмов может быть частично объяснено либо тем, что лица, провоздвигшие записи, владели эстонским языком, что мешало им находить правильные ливские соответствия, либо тем, что эти эстонизмы были свойственны отдельным ливам, которые знали эстонский язык. Как видно из дальнейшего, в ливском языке Дундаги отмечены и такие эстонизмы, которые следует считать индивидуальными. Однако, наряду с ними, встречаются и общераспространенные эстонизмы.

Не все черты ливского диалекта Салатси, кажущиеся эстонизмами, являются таковыми. В этом диалекте нет радикального чередования согласных в виде чередования качества, чего не установлено и в других наречиях ливского языка. Если в диалекте Салатси попадались языковые формы с наличием слабой ступени согласного, то их считали эстонскими заимствованиями или какими-то образованиями по аналогии. Между тем в диалекте Салатси можно встретить вполне закономерные случаи «слабой

ступени» без необходимости предполагать влияние эстонского языка, например: лив. *ann* : *anab* — «дать, дает»; эст. *anda* : *annab*; лив. *kann* : *kanab* — «нести, несет»; эст. *kanda* : *kannab*; лив. *panna* : *panub* — «класть, кладет»; эст. *panna* : *paneib*, лив. *linn* : *linud* — «птица, птицы»; эст. *lind* : *linnud*; лив. *tulla* : *tulub* — «прийти, придет»; эст. *tulla* : *tuleib*; лив. *olla* (наряду с этим и *olda* — «быть»), эст. *olla*, однако и лив. *tänn* : *tānub* — «благодарить, благодарит», эст. *tānada* : *tānab*. В диалекте Дундаги приведенным примерам соответствуют: *andō* : *andab*, *kandō* : *kāndab*, *pānda* : *panab* ~ *panub*, *lind* : *līndōd* ~ *līndud*, *tūlda* : *tulab*, *vōlda*, где мы встречаем повсюду «сильную ступень», и *tiennō*, *tiēnub*. В диалекте Салатси бывшие сочетания *lt* и *nt* вполне закономерно ассимилируются в *ll* и *nn*. Кроме того, мы наблюдаем здесь и другое изменение звуков: *nn* > *n*, которое могло развиться по образцу таких слов, где согласный чередуется с геминантом: *tänn* : *tānub* ~ *tiennō* : *tiēnub*. Таким образом, если в ливском диалекте Салатси и встречается «слабая ступень», то эти случаи далеко не всегда можно считать эстонскими заимствованиями.

Нельзя, конечно, отрицать того факта, что между ливским наречием Салатси и эстонским языком существовало известное общение, приводившее к влиянию их друг на друга, однако нельзя и утверждать, что влияние эстонского языка на диалект Салатси было сколько-нибудь значительным. Уже в Хронике Генриха Латвийского говорится о тесных отношениях между ливами и эстонцами, жившими на материке, причем эти отношения были то мирными, то враждебными.

Воздействие эстонского языка на ливский, повидимому, сказывается сильнее всего в диалекте Дундаги. В противовес высказанным некоторыми авторами, в частности Л. Кеттуненом, предположениям, что ливский диалект Салатси был сильно эстонизирован, можно констатировать, что южноэстонские диалекты не оказали такого сильного воздействия на это наречие, какое было оказано диалектами эстонских островов на язык ливов Дундаги. Это станет понятным, если учесть общественные и географические условия. Между эстонской языковой областью и прежней ливской областью Салатси простирается широкая полоса лесов и болот, в свое время препятствовавшая развитию постоянных сношений. Иным было положение ливов исторической Куронии, последними представителями которых являются нынешние ливы Дундаги. Они поддерживали все время весьма оживленные связи с эстами о. Сааремаа. Следует обратить особенное внимание на тот факт, что ливы Дундаги до настоящего времени называют всех эстонцев «островитянами» — *sārlist* (ед. ч. *sārli*), а всю эстонскую территорию «островной землей» — *sārmā*. Названия же эстонцев *ēstlist* и *ēstōd* проникают в ливский язык лишь в текущем столетии и применяются главным образом ливами, поддерживающими тесные культурные связи с эстонцами. Наименование эстонцев «островитянами» присуще не только ливам, живущим в Дундаге, — оно было известно и ливам Салатси, также называвшим эстонца *sārli*, а Эстонию *Sārli mā*.

Правда, наряду с этим, в этом диалекте встречаются и названия *Ūlimā* — «Эстония» и *Ūli mā mies* — «эстонцы». Тот факт, что эстонцы и в Салатси называли «островитянином», указывает на старые непосредственные сношения этой ливской области с эстонским населением островов. Финны называют эстонцев *virolaiset*, вода называет их *virolaizõd*, а ижорцы — *virolaiset* ~ *virolaizet*, так как эстонцы земли Виру были этим народностям более всего известны. Точно так же латыши для обозначения эстонцев пользуются названием *igauni*, в некоторых диалектах *ugauni*, поскольку эстонцы земли Уганди были более известны латышам, чем другие эстонские племена. Вполне возможно, что терминами *ŭli mā* и *ŭli mā mies* обозначались также в первую очередь отделенный морем о. Сааремаа и его население. В словаре Видемана указано слово из эстонского диалекта о. Сааремаа *ŭlemaa* в значении «материк, суша». В том же словаре, в качестве южноэстонского слова, приведено *ŭlemaalt* в значении «с той стороны озера Вырцьярв». Таким образом, слово *ŭlemaa* в эстонском языке обозначает землю, расположенную за водным пространством. Вполне допустимо, что это слово и в ливском языке имело такое же значение.

По данным археологии, уже в доисторическую эпоху имели место непосредственные сношения между ливами бассейна реки Гауи, т. е. исторической Ливонии, с одной стороны, и эстами о. Сааремаа — с другой, о чем свидетельствует одинаковое оформление некоторых предметов обихода у тех и других. О взаимоотношениях ливов и эстов-островитян говорится и в Хронике Генриха Латвийского, где неоднократно упоминаются набеги эстов о. Сааремаа на ливов Салатси. В 1216 г. островитяне производят опустошение у реки Салатси (XX глава). В следующем году на берегах этой реки они сражаются против рижан, т. е. немцев (XXI глава). В 1218 г. с островитянами ведется война в Метсеполе и Ледурге, куда они совершают очередной набег (XXI глава) и т. д.¹

Вскоре после Генриха Латвийского со страниц хроник исчезают всякие указания на ливов бассейнов Западной Двины и Гауи. На протяжении двух-трех веков они упоминаются лишь в протоколах судебных процессов, при заключении договоров и т. д., а затем наступает длительный период, когда о ливах исторической Ливонии почти не встречается упоминаний. Только в конце XVII в. о них снова говорится в трудах некоторых авторов, например Ярне. Изучение же ливов и их языка начинается еще позднее — во второй половине XVIII в. Вследствие этого трудно проследить, каким именно образом ливский язык ливов, живших в Ливонии, заменился латышским языком. Между тем указания на ливов исторической Куронии встречаются постоянно вплоть до нашего времени.

¹ Henrici Chronicon Lyvoniae ex recensione Wilhelmi Arndt. Hannoverae, 1874. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарий С. А. Аннинского. Предисловие В. А. Быстрянского. М.—Л., 1938.

На эстонской территории первобытно-общинный строй продолжал существовать до X в., однако в конце этого периода уже начали развиваться и феодальные отношения¹. То же наблюдалось и у ливов, но у них зачатки феодализма достигли несколько большего развития, так как через область ливов пролегали важные торговые пути, открывавшие широкие возможности накопления богатств. С возникновением феодализма началось расселение ливов среди латышей. В Хронике Генриха Латвийского встречаем указание на то, что в бассейнах рек Западной Двины и Гауи имелись области, где жили и ливы, и латыши. В дальнейшем ассимиляция ливов с латышами происходила особенно быстро, о чем подробнее сказано ниже, при анализе ливско-латышских языковых отношений².

III

Согласно данным археологии, начало сношений Куронии с островами Сааремаа и Муху восходит к глубокой древности. Об этом свидетельствует и Хроника Генриха Латвийского начала XIII в. Так, например, в 1226 г. островитяне продают Куронии захваченных в Швеции пленных (XXX глава). Ливы бассейна Западной Двины посылают своих послов в Куронию, откуда их направляют далее, к эстам-островитянам. Вообще в старых хрониках островитяне и курши зачастую упоминаются вместе. Взаимоотношения островитян и куршей характеризуются в рифмованной хронике конца XIII в. следующим образом:

*Oselêre daz sint heiden sûr,
die sint der Kûren nâkebûr*

(стихи 357—358)³, что в переводе обозначает: «жители Сааремаа — закормленные язычники, они соседи куршей». Начиная с древнейших памятников письменности вплоть до начала XIX в., ливы Куронии и, в частности, ливы Дундаги, либо упоминаются вместе с эстами-островитянами, либо вообще не делается различия между этими народностями. Ливы Дундаги считались поселенцами, пришедшими с о. Сааремаа, но высказывалось и обратное мнение, что островитяне являются бывшими ливами⁴. Этот факт должен также в некоторой мере говорить о том, что существование связей между ливами Дундаги и эстами-островитянами было известно издавна. Гипотеза о ливско-эстонской общности высказывалась, между прочим, и в отношении ливов Салатси, как, например, это сделал в 1828 г. знаток эстонского языка Х. Яннау, считавший ливов и эстов одной и той же народностью⁵.

¹ Г. Мосберг и А. Вассар. Основные вопросы периодизации истории Эстонской ССР.— Журн. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 63.

² Там же.

³ Die livländische Reimechronik. Herausgegeben von L. Meyer. Paderborn, 1876.

⁴ Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben..., стр. XXI—XXII, XLVIII—XLIX.

⁵ H. Jannau. Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten «Beiträge» Rosenplünderers, т. IX, 1828.

К прошлому столетию относится весьма много данных о частых соприкосновениях ливов и эстов-островитян. О том, что эти соприкосновения имели место и раньше, свидетельствует, помимо прочих языковых данных, и наличие эстонских соответствий ливской топонимике в языке островитян. Названию ближайшего административного центра, прежнего крупного поместья и нынешнего районного центра, Дундага, по-ливски *Dūonig* или *Dūonig* соответствует у островитян *Tooninga*. Наличие группы согласных *ng* в этом слове указывает на его проникновение на о. Сааремаа в ту пору, когда сочетание *ng* еще имелось и в соответствующем ливском названии (*ng* встречается и в латышской параллельной форме *Dundanga*). Деревни ливов, называемые по-латышски *Mazurbе* и *Lielurbе*, т. е. Малая и Большая Ирбе, по-ливски *Ire*, *Irai* и *Tra*, называются у островитян *Piski-Irve* и *Suur-Irve* (с тем же значением), где наличие согласного *v* указывает опять-таки на заимствование названия в ту эпоху, когда этот согласный еще существовал в ливском языке. Географическое название *Ire* впервые встречается в памятниках в 1290 г. в форме *Irva: aquam, quae Irva dicitur*.

О тесных взаимоотношениях ливов и эстов, а также о знании ливами эстонского языка неоднократно упоминает И. А. Шегрен, впервые посетивший Дундагу в 1846 г. Общась с ливами, Шегрен пользовался в качестве вспомогательного также эстонским языком (пока не изучил в достаточной мере ливского языка). По его словам, среди мужчин знание эстонского языка было более распространено, чем среди женщин, так как они чаще соприкасались с островитянами. Лиц, понимавших эстонский язык, Шегрен нашел в деревнях Ире и Пизе. В известной мере знал эстонский язык и ливский грамотей и собеседник Шегрена, писатель «старый» Я. Принц¹. В одном подробном описании условий быта ливов говорится, что кроме своего языка «они понимали еще язык своих сородичей-эстонцев, нужный им для сношений с эстонцами о. Сааремаа, которые приезжали в Куронию за солью, железом и другими товарами»². Здесь же упоминается, что и ливы посещали о. Сааремаа. Даже ливские женщины переезжали на лодках через залив.

О происходивших в прошлом и текущем столетиях тесных и разнообразных сношениях ливов с островитянами можно услышать и в настоящее время в любой ливской деревне³. На рубеже XIX — XX вв. с о. Сааремаа, главным образом из Сырве, в Курляндию массами направлялись дети-пастухи обоего пола. Их доставляли сюда либо островитяне, либо ливы, зарабатывавшие на этом посредничестве. Оплата труда детей была крайне низкой. Часть детей уходила дальше, внутрь страны, на работу к латышским кулакам. Большинство детей работало в очень тяжелых условиях, на что указывает тот факт, что в свое время

¹ A. J. Sjögren. Bericht..., стр. 519, 543.

² Meelejahutaja III, Tartu, 1881 стр. 212.

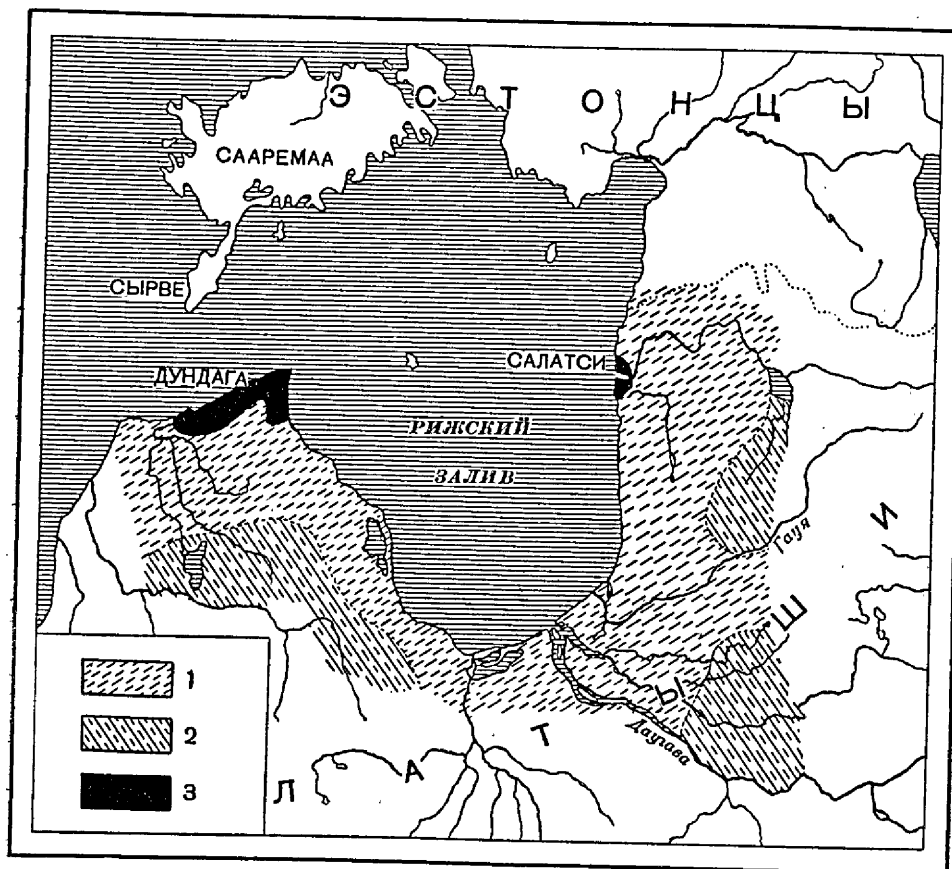
³ Данные записаны во время исследовательских экспедиций, совершенных летом 1948—1950 гг.

на о. Сааремаа существовал обычай пугать детей Курляндией: «Если не будешь послушным, я отправлю тебя в Курляндию в пастухи». То обстоятельство, что жители о. Сааремаа были значительно беднее, чем ливы Курляндии, заставляло островитян посылать детей на работу уже в восьмилетнем возрасте. Большинство мальчиков и девочек возвращалось осенью домой, однако некоторые из них оставались и на зиму у хозяев. Бывали и такие случаи, что дети вообще оставались в Курляндии. Почти в каждой ливской деревне и в настоящее время встречаются старики и старухи, в детстве переселившиеся сюда с о. Сааремаа. С о. Сааремаа в Курляндию направлялись также батраки и батрачки, хотя и в меньшем количестве, чем дети. Во многих ливских деревнях рассказывают, что на большинстве хуторов, т. е. в крупных кулацких хозяйствах, пастухами работали эсты-островитяне. Общась с этими пришельцами, нынешнее старшее поколение ливов уже в детстве научилось говорить по-эстонски. Когда речь заходила об эстонских детях-пастухах, ливы неоднократно заявляли: *nāntkõks rōkandōmi, se vol' ežmi sārma kiel orpimi* — «говоря с ними, мы впервые учились эстонскому языку». Общась с островитянами или другими эстонцами, ливы всегда старались говорить с ними по-эстонски, тогда как островитяне гораздо реже усваивали ливский язык. Старики деревни Ийра утверждали, что в их молодые годы каждый лив должен был понимать эстонский язык, так как, кроме поселившихся на ливском побережье эстов-островитян, приходилось встречаться с другими островитянами на море во время рыбной ловли. Когда в XIX в. получило широкий размах строительство парусников, а позднее и моторных лодок, известные судостроители о. Сааремаа работали также среди ливов. На то, что ливы всегда стремились говорить по-эстонски, указывает и тот факт, что эсты-островитяне, которые и сейчас живут в ливских деревнях, знают ливский язык, за некоторыми исключениями, весьма недостаточно. В прежние времена положение вещей могло быть, правда, иным, так как тогда по-ливски начинали говорить и латыши, селившиеся в ливских деревнях.

Есть сведения, что почти в каждой ливской деревне, а также внутри страны, среди латышей, имелись беглые крестьяне с о. Сааремаа. Некоторые из них позднее, когда власти их уже не разыскивали, посещали свою родную деревню и приглашали своих знакомых переехать в Курляндию. Как в период феодализма, так и позднее, при капитализме, островитяне были вообще беднее, чем ливы, не говоря уже о зажиточных латышских крестьянах, живших внутри страны. Вообще, вследствие большей зажиточности населения, Курляндия являлась в глазах островитян каким-то «Эльдорадо», куда направлялись искать «лучшей жизни». О бегстве эстов-островитян в Курляндию рассказывает в своих произведениях реакционный писатель начала XIX в. В. Люце. Об этом идет речь в его повести «Записки старого мудреца»¹. Бегство в Курляндию

¹ Sarema Jutto ramat mis ma rahwa lustiks ja kasuks on üles pannud Wille Ludi Luds e.— «Kolide Üllewataja», т. I. Miiavi, 1807, стр. 117 и след.

приняло столь широкие размеры, что для защиты интересов помещиков правительство повело борьбу с этим явлением. Герой вышеназванной повести переживает в Курляндии всякого рода беды, и подневольная жизнь в этой стране изображается еще более тяжелой, чем она была на о. Сааремаа. Тема переселения островитян в Курляндию, в частности история гибели пастухов во время бури в море, разрабатывается и в литературе XX века¹. О том, как эсты-островитяне переселялись после

1. Ливская территория в начале XIII в.; 2. Ливско-латышская смешанная территория в начале XIII в.; 3. Ливские деревни в XIX в.

Северной войны в Курляндию, пишет в своих путевых очерках исследователь истории ливов И. А. Шегрен².

Народные предания о. Сааремаа также говорят о том, как ливы посещали этот остров, занимаясь здесь скупкой кож, быков, гусей и т. д. Весь этот товар ливы либо сами отвозили в Ригу, Вентспильс и другие места, либо продавали его на побережье другим торговцам. Ливские купцы

приезжали главным образом в Сырве, куда островитяне свозили свои товары, причем некоторые ливы оставались здесь на постоянное жительство. Однако ливы переселялись в Сырве значительно реже, чем островитяне в Курляндию, обычно же они были частыми посетителями Сырвских ярмарок. Местные жители помнят также, как они в старину рыбачили вместе с ливами. Многие из них помогали ливам в ловле камбалы, получая месячную плату или работая исполу. О том, что ливы ловили рыбу в водах о. Сааремаа, свидетельствуют существующие здесь до сих пор в рыбацком жаргоне названия отдельных сортов камбалы — *Nazva liesta* и *Sär liesta*, которым в эстонском языке соответствуют *Nasva lest* и *Sääre lest*, ловившейся вблизи деревень Насва и Сяаре (о. Сааремаа). В современном ливском языке наименования *Nazva liesta* и *Sär liesta* обозначают не столько ловившуюся в упомянутых местах камбалу, сколько определенные сорта этой рыбы.

Один старый рыбак из деревни Тябара в Сырве охарактеризовал взаимоотношения ливов и местных жителей следующим образом: «Ливы и жители Сырве были как братья и более, чем братья. Никогда не брали с собой хлеба, когда ходили друг к другу». Поэтому в народной памяти как ливов, так и жителей Сырве сохранилось немало рассказов об их давних связях. Тесные сношения между о. Сааремаа и ливским побережьем поддерживались вплоть до первой мировой войны. Когда фронт приблизился к поселениям ливов, они были изгнаны из своих домов. Часть беженцев поселилась внутри страны, среди латышей; многие же направились в местности, населенные эстонцами, — в Хапсалу, Пярну, Таллин, Нарву и т. д., где в большинстве случаев они оставались до конца войны. Пребывание среди эстонцев, несомненно, повысило знание ими эстонского языка и способствовало проникновению эстонских слов в ливский язык. Позднее, после войны, сношения между ливами и эстами-островитянами уже не были столь интенсивны, как в прежнее время, хотя полностью они не прекратились и до настоящего времени.

Кроме островитян, побережье ливов посещали также эстонцы других частей страны. До первой мировой войны таллинские рыботорговцы покупали у ливов кильку. Посоленная килька упаковывалась в жестянки тут же на ливском побережье в выстроенных специально для этой цели сараях. Поскольку ливы не умели консервировать кильку, торговые фирмы присылали для этого специалистов из эстонцев. Посолом кильки занимались в основном эстонские девушки из прибрежных деревень района Локса, часть которых вышла замуж за ливов и осталась жить в ливских деревнях. Работавшие среди ливов специалисты по консервированию кильки, правда, не оказали такого заметного влияния на ливский язык, как жители о. Сааремаа, однако и они могли внести некоторые новые элементы в словарный состав ливского языка. При разговоре с ливами, имевшими в молодости соприкосновения с островитянами, можно нередко заметить, что, говоря о последних, ливы употребляют отдельные эстонские слова или даже целые фразы. Так, например, в Сиккрыге лив,

¹ S. Talvik. *Välja veeremas*. Сб. «Oma maa», т. II. Tartu, 1913, стр. 70.

² A. J. Sjögren. Bericht..., стр. 555 и след.

говоря о поселившихся среди них островитянах, выразился так: *siz vol-tõ nei uhkõd* — «тогда они были такими гордыми», или *ta kītõb: mül oma tõpõ* — «он говорит: у меня свой штоф». Такое употребление эстонских слов *uhkõ* и *tõpõ* в ливской речи может привести случайного наблюдателя к выводу, что ливский язык превратился в какой-то смешанный ливско-эстонский язык. Однако это не так. В данном случае обилие эстонизмов связано с темой разговора: эстонизмы употребляются здесь для придания рассказу большей живости и правдоподобия. В обычной же разговорной речи ливов этого явления не наблюдается. Эстонские заимствования индивидуального или случайного характера можно услышать и в тех семьях, где хозяин или хозяйка — эстонцы. Однако и эти эстонизмы в ливском языке не представляют собой общего явления, и поэтому нельзя утверждать, что ливский язык является смешанным языком. Эстонцы, главным образом жители о. Сааремаа, несомненно оказали влияние на ливский язык. Как велико было это влияние, мы рассмотрим ниже.

Прежде чем перейти к выяснению этого вопроса, следует отметить, что о непрерывных связях между ливами и эстонцами говорит и устное народное творчество. Так, житель д. Ире, родившийся и выросший в д. Пиза, рассказывал мне, что ливские парни распевали песни, которым они научились у молодежи о. Сааремаа и которые переложили на свой язык.

Среди записанных ливских народных песен имеется несколько детских песенок эстонского происхождения¹. Этот факт свидетельствует, конечно, о непосредственном влиянии языка детей-пастухов с о. Сааремаа на язык ливских детей. Среди сказок и преданий ливов и эстов-островитян имеется немало таких, которые содержат в себе общие мотивы, таковы, например, рассказы о Большом Тылле, о «Холодных башмаках» (*külmkingad*), «Синих морских коровах» (*sinised mere lehmad*), «Свадьбе на дне моря» (*merepulm*), колдунах (*võlud*), «Похитителях богатств» (*vā-dajad*)¹ и т. д. Им соответствуют у ливов: *Sūr Tel*, *kylma-kāngad*, *siņnist mier-niēmōd*, *mier-kāzgōnd*, *võlud*, *vīlaviedai* и т. д. Общие мотивы народного творчества предполагают взаимное понимание языков. Относительно Большого Тылля следует еще сказать, что форма имени этого богатыря с точки зрения законов развития ливского языка носит следы эстонского происхождения. Форме этого имени в диалекте о. Сааремаа *Tõll* в современном ливском языке закономерно соответствует форма *Tel*, так как в ливском языке имела место дилабиализация *õ > e* (ср. *tjõ-tjõ > tie* — «работа»). Исконно ливская форма этого имени была бы *Tõl*. Однако о тесных связях между эстонцами о. Сааремаа и ливами яснее всего говорят языковые факты. Прежде всего следует отметить, что в ливском диалекте Дундаги и в эстонском диалекте о. Сааремаа (а также в других эстонских наречиях, бытующих вблизи этого острова) имеется много такой общей лексики, относительно которой нельзя утверждать, что она была заимствована той или другой стороной. Эта общая

лексика типична для области, расположенной вокруг Ирбеского пролива, или же встречается частично и в западной Эстонии, но отсутствует в восточной. Эти слова входят в общий словарный состав, и, следовательно, могут быть весьма древнего происхождения. Ниже мы приводим ряд относящихся сюда слов. В первую очередь здесь можно встретить слова, связанные с понятием моря, таковы, например: лив. *kolastõ*, *kol-lõ* — «мерещиться» (о мареве), эст. *kolama*; лив. *muda* — «фукус» (латинск. *fucus*) — «водоросль», эст. *muda*; лив. *rova* — «перовное каменистое дно моря», эст. *rava* — «мель в море»; лив. *māgõr* — «восток», эст. *maakaar* (в Хийумаа произносится также *maagar*); лив. *vežgõr* — «запад», эст. *vesikaar* (произносится также *vesigar*); лив. *liepa* (эвфемистическое название крови, употребляемое при рыбной ловле), эст. *lepp* (род. пад. *lepi*) — «кровь тюленя»; лив. *sūr al* — «большой серый тюлень», эст. *suur hall*; лив. *liesta* — «камбала», эст. *lest*; лив. *tālkala* — «морская щука, сарган», эст. *tuulekala*; лив. *kivštõ* — «снабжать сети камнями», эст. *kivistama*; лив. *jada* — «ряд», эст. *jada*; лив. *vaba* — «шест для сушки сетей и других рыболовных снастей», эст. *vabe*, *vabu*; лив. *kal* — «вал для спуска судна в воду», эст. *kall*; лив. *kikra lāja* — «легко опрокидывающаяся лодка», эст. *kikerdama* — «опрокидываться, валяться», *kikas* — «шаткий»; лив. *pik* — «посоленный», *pik-kala* — «посоленная рыба», эст. *piikelt sõõma* — «есть в посоленном виде»; лив. *rētš* — «корзина для рыбы», эст. *rääts* — «плетеная, носимая на спине корзина для рыбы; большая сплетенная из прутьев корзина» (на давнее существование этого слова в ливском языке указывает происшедшая под влиянием следующего гласного *i* метафония, т. е. *ā > e*) и т. д. Из общей лексики, относящейся к человеку, его жилью, одежде и домашней работе, следует привести следующие слова: лив. *ab* (мн. ч. *abud*) — «плечо, заплечье», эст. *abu* (на территории эстонского языка это слово встречается и в других местах на западе); лив. *jel* (мн. ч. *jelud*) — «строение, дом, в частности жилой дом», эст. *elu* — «жилой дом»; лив. *rat*, *rať* — «конюшня, хлев», эст. *ratt* — «камора, комнатка, кладовая»; лив. *lūoiba* — «лапоть из кожи с тюленьей лапы», эст. *loib* — «лапа тюленя, лапоть из кожи с тюленьей лапы»; лив. *magdõd* — «солод», эст. *maged*; лив. *pod* — «тюря, крошево из хлеба», эст. *podī*; лив. *pāinal* — «круглый деревянный сосуд», эст. *paenal*, *paenas* — «большой ящик, деревянный сосуд» и т. д.; лив. *kuong* — «коробочка из бересты», эст. *kong*; лив. *rak* — «ведро», эст. *rakk* — «маленький сосуд, (плохое) ведро»; лив. *rēnaz*, *rēnaz* (мн. ч. *reinõd*) — «решетка у телеги», эст. *reinas* — «двуколка» и т. д.; лив. *ymmõrtõ* — «служить», эст. *ümmardada* — «прислуживать (особенно в отношении женской прислуги)». Из слов, связанных с природой, растительным и животным миром, можно упомянуть: лив. *kuoi-val* — «утренняя заря», эст. *koivalge*, *koivalu*; лив. *rānka* — «пустыня, непроходимый лес», эст. *ränk* — «бурелом»; лив. *klukõz* — «лебедь», эст. *kloogas*, *klokas* — «гага»; лив. *kārmī* — «муха», эст. *kārmes*; лив. *kj* — «змея, червь, гадюка», *sāv-kj* — «медянка», эст. *küü-uss* — «гадюка»; лив. *pērza* — «гагара», эст. *pers*, *persas*; лив. *num* — «пустошь,

¹ «Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused», т. XXVIII. Tartu, 1936.

вереск», эст. *nõmm* (в Хийумаа *nõmm* обозначает в первую очередь именно «вереск»); лив. *jovgūz*, *jōvgōz* — «тис», эст. *jugaruu* и другие слова. Из прочей общей лексики следует упомянуть еще такие слова, как: лив. *jūon* — «порыв, размах», эст. *joon*; лив. *piga* — «скоро», эст. *piga*; лив. *ležgōl*, *leižgōl* — «поблизости», эст. *lisi*, *lisidal*; лив. *kippō* — «отойти в сторону, отступить», эст. *kippuma* — «двигаться»; лив. *gorpō* — «ползать», эст. *gorpama*; лив. *suggō* — «становиться, возникать», эст. *sugema*; лив. *tykkiž* — «все, совсем, полностью», эст. *tükkis*; лив. *umbōst* — «прямо, как раз», эст. *umbest*; лив. *sellī* — «такой», эст. *selline*; лив. *pōp* (мн. ч. *pōpud*) — «омялье льняное, кострика», эст. *pōpped* — «молоченное, но не провяненное, смешанное с мякиной зерно»; лив. *tarrō* (наст. вр. *tarub*) — «тянуть бечеву», эст. *tarima* — «тянуть, тащить»; лив. *nāgar*, *nāgari* — «жадный, корыстный», эст. *nāgal*; лив. *kōza* — «злоба», *kōzzi* — «сердитый, злой», эст. *kōsa* — «сердитый»; лив. *nōrtsō* — «вянуть, слабеть», эст. *nōrtsu jāama* и т. д. В связи с приведенными примерами следует указать еще на то, что как в ливском языке, так и в эстонском диалекте о. Сааремаа имеется ряд общих заимствований из нижненемецкого языка, например: лив. *kēp* — «отверстие якорной цепи», эст. *keep*; лив. *viš* — «прочный, сильный», эст. *viss* и т. д. Здесь дана лишь часть той общей лексики, которая типична как для ливского диалекта Дундаги, так и для эстонских наречий о. Сааремаа и близлежащих районов. Однако уже и эти примеры свидетельствуют о том, как много общих лексических элементов имеется в тех и других диалектах по обе стороны моря¹.

Относительно вышеперечисленных слов нельзя сказать, что они перешли от эстов о. Сааремаа к ливам или наоборот. Можно лишь констатировать, что эти слова являются общими для эстов и ливов и что они свидетельствуют о длительности связей между носителями обоих языков. Эти слова входят в основной словарный фонд прибалтийско-финских языков, принадлежат одной части прибалтийско-финских диалектов. Однако и в ливском языке, и в эстонском диалекте о. Сааремаа имеются слова, относительно которых можно заключить, что они заимствованы той или другой стороной. Явных ливских заимствований в диалекте о. Сааремаа имеется лишь небольшое количество, в языке же ливов Дундаги встречается немало заимствований из эстонского языка. Из ливских заимствований в сааремааском диалекте можно указать следующие: эст. *piski* — «крошечный, маленький», лив. *piški*; эст. *oks* — «медведь» (в детском языке), лив. *okš*. Заимствованным из ливского языка словом можно, пожалуй, считать и название детской болезни *mastlid* (диал. Ямая) — «корь», лив. *maškōd*, латыш. *masalas*, если только это слово не проникло на о. Сааремаа прямо из латышского языка. Много направлявшихся в Курляндию детей-пастухов и сельскохозяйственных рабочих было занято на латышских хуторах, где они и научились ла-

¹ Для сравнения лексических данных была использована и курсовая работа студ. Айно Валькер-Рягсен «Общая лексика ливского языка в Курляндии и эстонских островных диалектов», 1950.

тышскому языку. Оставаясь на ливском побережье, они нередко также познакомились в первую очередь с латышским языком¹. Поэтому в говорах о. Сааремаа установлено — и весьма много — латышских заимствований, каковы эст. *nessima* — «носить, возить», латыш. *nest*; эст. *iisid* — «отверстия для шнурков в башмаке», латыш. *izīni*; эст. *puksvants* — «короткая ручная пила» (где начальный согласный *p* указывает на заимствование через посредство латышского языка немецкого слова *Fuchschwanz*, так как немецкое начальное *f* дает в латышском языке *p* или *b*²). Из возможных ливских заимствований в диалекте о. Сааремаа, относящихся к рыболовству, можно назвать еще слова: эст. *kaal* (род. пад. *kaala* или *lugukaal*) — «30 камбал», лив. *kāl* — «30 рыб» в значении единицы меры (*-kā'l < kahl*); эст. *mällama* — «возиться с рыбой», лив. *mellō* — «рыться, возиться, мешать». Возможно, что из ливского языка в говоры о. Сааремаа проник еще ряд слов, однако их, во всяком случае, не много, ибо, как уже сказано, многочисленные островитяне, жившие в Курляндии, говорили там главным образом по-эстонски или учились латышскому языку, имевшему большее практическое значение. Число же ливов, переселявшихся на о. Сааремаа, было невелико, так что их влияние на эстонский язык не могло быть сколько-нибудь значительным.

Поскольку ливы старались говорить с островитянами по-эстонски и среди ливов, по крайней мере последних поколений, было распространено знание эстонского языка, в ливском языке Дундаги имеется много заимствований из различных областей лексики эстонского языка.

Что то или иное слово по своему происхождению является эстонским, в первую очередь указывает его фонетическая сторона, чуждая ливскому языку, так как в этих случаях слово еще не успело испытать на себе действия законов развития ливского языка. Приведем ряд примеров.

В ливском языке сочетание звуков *ja* в основном сохранилось. Если, однако, наряду с идиомой *jatk jumal* — «хлеб да соль» встречается и *jātk jumal* в том же значении, то можно полагать, что параллельная форма *jātk* вошла в употребление под влиянием эстонского диалекта о. Сааремаа, где переход *ja* в *jā* обычен (*jagama > jāgama* — «делить», *janu > jānu* — «жажда», *jada > jāda* — «ряд» и т. п.).

В ливском языке в гораздо более широких размерах, чем в эстонском, имело место падение внутренних и конечных гласных. Между прочим, в ливском языке отпал и конечный гласный двусложных слов, если первый слог был краток, а во втором слоге не было гласного *a*, например: лив. *māg* — «гора», эст. *māgi*; лив. *jel* — «жизнь, жилой дом»;

¹ 59-летний рыбак д. Ира Петыр Гринфельт дал следующее весьма наглядное описание взаимного изучения языков: «Когда мне было лет восемь, я работал пастухом. На соседний хутор пришел мальчик-пастух с о. Сааремаа. В течение трех лет мы вместе пасли скот. Тогда же и обучали мы друг друга. Я учил мальчика с. О. Сааремаа говорить по-латышски, а он меня — по-эстонски».

² P. A r i s t e. Etimoloogilisi märkmeid, т. I. Tartu, 1940, стр. 7 и след., стр. 16 и след.

эст. *elu*; лив. *jag* — «часть», эст. *jagu* (но лив. *kala* — «рыба», эст. *kala*). Если все же в ливском языке Дундаги некоторые слова сохранили конечный гласный, то можно полагать, что эти слова проникли из эстонского языка лишь после падения конечных звуков и тем самым не испытали на себе действия одного из законов развития ливского языка. Сюда относятся такие слова, как, например, лив. *aru* — «ум, рассудок, смысл» (*ma āb sā aru* — «я не понимаю»), эст. *aru*; лив. *yĭ-aru* — «слишком», эст. *ülearu*; лив. *jagu* (наряду с этим встречается и *jag* как закономерное ливское соответствие, о чем сказано выше), эст. *jagu* — «часть»; лив. *juru* — «болтовня» (наряду с этим имеется и *jor*), эст. днал. *juru* с тем же значением; лив. *karu* — «медведь» (в детском языке подобно тому, как в детском языке о. Сааремаа встречается ливское заимствование *oks*), эст. *karu*; лив. *loru* — «болтовня, вздор», эст. *loru*; лив. *nāgu* — «лицо» (наряду с этим закономерное лив. *näg*), эст. *nāgu*; лив. *puru* — «соринка, крошка, сор» (параллельно с этим и *pur*), эст. *puru*.

В современном ливском языке эстонскими заимствованиями можно считать и такие слова, во втором слоге которых сохранялся гласный *i*, наряду с общим явлением его падения, например, лив. *kažin* — «опрятный, чистый», эст. *kasin*; лив. *verištō* — «укусить до крови, окровавить», эст. *veristama*; лив. *kārik* — «водоворот», эст. *käärrik* — «поворот, кривизна, изгиб». В словах, развившихся по законам ливского языка, такой *i* не встречается: ср. лив. *volmō* — «мы были», эст. *olime*; лив. *tulō* — «вы пришли, они пришли», эст. *tulite*; лив. *ōrštō* — «дразнить, подзадоривать», эст. *ōrritada*, где имеет место падение гласного *i*.

В ливском языке краткое *u* внутри слова обычно редуцировалось в *ō*. Если же в некоторых словах гласный *u* в этом положении и встречается, то можно полагать, что мы имеем дело с эстонским заимствованием. Таковы, например, лив. *laiskuz* — «лень», эст. *laiskus*; лив. *ladutō* — «бежать, удира́ть», эст. днал. *laduma*. Наличие нередуцированного *a* в ливском слове *ūnsakōz* — «мальчуган, карапуз»; (*seli nūor ūnsakōz* — «такой карапуз») убеждает нас в том, что данное слово восходит к эст. *untsakas*.

Ливскому языку свойственна метафония. Если во втором слоге был гласный *i*, то в первом слоге — гласный *a* > *ā*, например, лив. *tām* — «дуб», фин. *tammi*, но род. пад. *tam* — «дуба», фин. *tammen*; лив. *lāpš* — «ребенок», фин. *lapsi*, но множ. ч. *lapst* — «дети», фин. *lapset*. В ливском диалекте Дундаги встречаются параллельно *kār̥p* и *kar̥p* (множ. ч. *kar̥pid*) — «коробка». Как показывает форма множественного числа, здесь во втором слоге имеется гласный *i*, что должно было бы вызвать появление гласного *ā* вместо *a* во второй из приведенных параллельных форм. Наличие же гласного *a* вместо *ā* заставляет предполагать заимствование из эстонского языка, тогда как параллельная форма *kār̥p* является закономерным ливским соответствием.

В восточной части ливской языковой области в слоге с главным ударением известен гласный *ō*, тогда как в западной части этот гласный

развился в *ii*, а в речи последних поколений делабиализировался в *i*; так, например, на востоке говорят *tōva*, а на западе — *tūva*, *tiva* — «глухой». Если же в языке восточноливских деревень встречаются слова, где эстонскому *ō* соответствует *e*, то можно опять-таки думать, что эти слова заимствованы из говоров о. Сааремаа, поскольку здесь, как известно, совершился переход *ō* > *ō̄*. Так как в ливском языке гласный *ō̄* также делабиализировался в *e*, и современный лив даже неспособен произнести звук *ō̄*, то мы и встречаем здесь вместо *ō̄* гласный *e*. Таким образом, записанное в д. Ире слово *ēngad*, эст. *ōnged* — «удочки» может быть лишь заимствованием из диалекта о. Сааремаа < *ōnged*. Как уже сказано выше, имя богатыря *Sār Tel̥* по тем же фонетическим причинам должно быть заимствовано из того же эстонского диалекта.

Наличие чуждых ливскому языку согласных также является в известных случаях надежным доказательством заимствования данного слова. Так, свойственный прибалтийско-финским языкам согласный *h* исчез в ливском языке, и современный лив неспособен его произнести. В ливском языке согласный *h* в середине слова обычно заменился прерывистым ударением, например: *rā* (-*rā'*) < *raha* — «деньги», *leđ* (-*lē'd*) < *lehti* — «лист» и т. д. Если же в некоторых словах встречается согласный *h*, там, где в других прибалтийско-финских языках ему соответствует *h*, то можно утверждать, что данное слово заимствовано из эстонского языка, причем эстонское *h* заменено согласным *k*. Таковы, например, слова *ukaz* (множ. ч. *ukkōd*) — «гордый, самоуверенный», эст. *uhke*; лив. *koktōmied* — «судьи», эст. *kohtumehed*. Наряду с последним встречается форма *kuodōmied*, являющаяся закономерным ливским соответствием.

По сравнению с эстонским языком, ливскому языку не свойственно корневое или радикальное чередование качества смычных согласных. Суффиксальное чередование ступеней звуков в нем также весьма ограничено. Оно обнаруживается лишь в некоторых производных словах, где согласные *t* и *p* встречаются как на сильной, так на слабой ступени. В современном ливском языке сильной ступени соответствует глухой или звонкий взрывной согласный в зависимости от смежных звуков, тогда как слабой ступени здесь соответствует нуль звука. Эстонскому типу слов *pime* : *pimeda* — «темный, слепой», фин. *pimeä* : *pimeän*, вепс. *pi-med* : *pimedan*; эст. *sage* : *sageda* — «частый, густой», фин. *sakea* : *sakean*, вепс. *saged* : *sagedan* и др. в ливском языке закономерно соответствуют на сильной ступени: *pimdi* — «темный», *sagdō* — «частый, густой». Однако в ливском языке Дундаги встречается ряд слов, в которых отсутствует согласный *d* и, как и в эстонском языке, наблюдается нуль звука, например: *ōigi* — «правильный», *ale* — «сострадание, жалость», *aigō* — «больной». Эти слова, повидимому, являются заимствованиями из эстонского языка: *ōige*, *hale*, *haige*. К тому же, последнее из этих слов в ливском языке употребляется редко, обычно же в значении «больной» употребляется слово *ruja*. Эстонским словам со слабой ступенью *igav* — «скучный», *lihav* — «дородный, полный», *terav* — «острый» и т. д. зако-

померно соответствуют ливские *igabi*, *liebi*, *tierab* и т. д. на сильной ступени. Однако, наряду с этим, здесь встречается и слово *igavõ*, например в сочетаниях *igavõ mōtsa* — «дремучий лес», *igavõ sūr* — «очень большой», где это слово, повидному, является заимствованием из эстонского языка (ср. эст. *igavene*). К тому же, конструкции *igavõ mōtsa* и т. п. идиоматически весьма близки эстонскому языку (эст. *igavene mets* — «дремучий лес»), и это, в свою очередь, еще более усиливает вероятность заимствования. Здесь следует отметить, что наличие слабой ступени согласного *p* в ливском диалекте Салатси, повидному, было свойственно ливскому языку: *mūdau* — «продающийся, продаваемый», диал. Дундаги *mūdōb*, эст. *mūdav* в том же значении; *lūpstau* — «доющая, доимая», диал. Дундаги *lupšab*, эст. *lūpsev*, *lūpstav* в том же значении. Некоторые исследователи истории ливского языка полагают, что на диалект Салатси сильное влияние оказал эстонский язык, однако это представляется мало вероятным. Хотя в этом диалекте и встречаются также случаи сильной ступени (лив. *orab* — «белка», эст. *orav*; лив. *tārab* — «здоровый», эст. *terev* и т. д.), наличие слабой ступени носит все же в Салатси столь общий характер, что здесь следует видеть *u* как продолжателя слабой ступени *p* ($>\beta>u>u$).

В ливском языке имеются некоторые явные эстонизмы в виде сложных слов и конструкций, каков, например: *juttõ aiļõ* — «беседовать», эст. *juttu ajama*. Относительно этой конструкции сами ливы указывают, что она заимствована из эстонского языка. Эстонскими заимствованиями ливы считают еще некоторые слова, как, например, вопросительную частицу *kas* (лив. *kas sa volđa?*, эст. *kas sa olid?* — «был ли ты?»), тогда как подлинно ливскими соответствиями этой частицы являются *u*, *voi*, *aš*¹.

Ливское слово представляет собой явное заимствование из эстонского языка и в тех случаях, когда, помимо других критериев, известно, что данное слово проникло в эстонский язык из какого-либо другого языка и притом совсем недавно. В ливский язык такое слово могло перейти лишь после того, как оно уже полностью обжилося в эстонском языке. Сюда относятся такие слова, как лив. *uņt* — «волк» (в детском языке) ~ эст. *hunt* < нем. *Hund*; лив. *selš* — «общество», эст. *selts* < нижненем. *selskop*; лив. *tont* — «злой дух», эст. *tont* < швед. *tomte*, эст.-швед. диал. *tont* и т. д.

В индивидуальном языке таких заимствованных слов может быть большее или меньшее количество. Лив, имевший больше соприкосновений с эстонцами, употребляет особенно большое количество эстонизмов тогда, когда разговаривает с эстонцем. Эстонизмов же, употребляемых всеми говорящими на ливском языке Дундаги, вообще не так много. При рассмотрении семантики этих заимствований трудно указать на какую-либо определенную область, в которой эстонцы оказали бы особенно сильное влияние на ливов. Эстонские заимствования по своему значению отно-

сятся к весьма разнообразным областям жизни. Большинство их связано с домашней обстановкой, с повседневной жизнью. Это и понятно, так как слова эти проникли в язык ливов в первую очередь через посредство эстонских детей-пастухов и батраков, живших среди ливов и участвовавших в их обыденной жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что в области рыбного промысла, этого основного занятия ливов, имеется лишь незначительное количество эстонских заимствований. Важнейшим, относящимся сюда заимствованием является слово *pūž* — «острога для охоты на тюленей», эст. *pūis*, употреблявшееся в качестве эфемизма и для обозначения сети. Вследствие суеверия старые ливские рыбаки во время рыбной ловли не пользовались рядом слов из опасения неудачи. Вследствие этого ливы, взамен своих слов, употребляли эстонские. Так, вместо слов *okš* в значении «медведь» употреблялось эстонское слово *karu* с тем же значением; вместо слова *suiž* — «волк» — эстонское слово *toņt* — «злой дух»¹ и т. д.

Вопросу ливской лексики, связанной с мореходством и рыболовством, посвящены пока лишь две курсовые работы, в которых рассмотрено 825 слов. Из них 561 слово — ливского происхождения, 121 составляет латышские заимствования, 85 — немецкие, в частности нижненемецкие; количество же слов, заимствованных из остальных языков, весьма незначительно. Слов русского происхождения, относящихся к мореходству и рыбной ловле, насчитывается лишь около десяти, тогда как в других областях, как, например, в торговой терминологии, число русских заимствований значительно больше. Большая часть финно-угорского словарного состава является общей с эстонским языком, причем около одной восьмой его части имеет общность с эстонскими островными диалектами. Эти общие для ливского и эстонского языков слова восходят почти целиком к общему языковому наследию прибалтийско-финских народов, как и большая часть остального словарного состава.

Эстонская лексика, проникая в ливский язык, ни в коем случае не занимает в нем столь значительного места, чтобы дать повод утверждать, что бытующий ныне в Дундаге ливский язык является «смешанным» ливско-эстонским языком, который не отражает прежнего, подлинно ливского языка. К выводу о «смешанном» характере ливского языка можно было прийти лишь на основании той порочной пуристской концепции, что всякое соприкосновение с другим языком «засоряет» и портит данный язык. Хотя ливская лексика и обнаруживает следы смешения с эстонским языком, однако в результате этого смешения не образовалось нового, третьего, в данном случае «смешанного» ливско-эстонского языка. С притоком нового некоторые старые элементы, возможно, исчезли или отступили на задний план, однако это произошло незаметно.

¹ У ливов запрет употребления ряда слов при рыбной ловле существовал почти до последнего времени. Заслуживает внимания и тот факт, что во время рыбной ловли на ливском языке говорят и те лица, которые, находясь на суше, пользуются обычно латышским языком.

¹ L. Kettunen. Livisches Wörterbuch, стр. 15, 447, 502.

Здесь следует обратить особенное внимание на тот факт, что и на ливский язык распространяются те положения, которые выдвинул в своих работах по языкознанию И. В. Сталин, разоблачая антинаучные взгляды Н. Я. Марра и его «учеников» по вопросу о скрещивании языков. И. В. Сталин указал, что «язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...» «Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путём отмены старого и постройки нового, а путём пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всём основном и используется, как основа словарного состава языка»¹.

Насколько точно разъяснен И. В. Сталиным вопрос об изменении словарного состава и сохранении основного словарного фонда, еще нагляднее показывают отношения ливского языка к латышскому, о чем будет сказано ниже. И. В. Сталин говорит: «На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает...»². «Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его»³. И, действительно, мы видим, что в отношении лексики ливский язык остался все тем же ливским языком, усвоив лишь проникшие из эстонского языка элементы, часть которых обогатила словарный состав ливского языка, слившись с ним в одно целое.

С точки зрения словарного состава никак нельзя утверждать, что ливский язык Дундаги сохранился лишь благодаря соприкосновениям с эстонским диалектом о. Сааремаа, как это полагал Л. Кеттунен⁴ и некоторые другие финские исследователи ливского языка. Роль временно живших среди ливов или поселившихся в их области эстов-островитян не следует переоценивать. Если бы на о. Сааремаа и на ливском побережье существовал один и тот же язык, то можно было бы действительно предположить, что пришлое население содействовало обновлению существовавшего языка. Однако ливский и эстонский языки настолько отличаются друг от друга, что эстонец, не изучив ливского языка, не понимает лива,

и наоборот. Ливы явно сознают коренное различие между своим и эстонским языками. Если ливский язык так долго сохраняется на морском побережье Дундаги, давно исчезнув внутри страны, то главной причиной этого является особый род занятий ливов, а именно — рыболовство, сплотившее их в отдельный коллектив и обособившее их в известной мере от латышей. Занимаясь рыбной ловлей, ливы в период феодализма платили большую часть податей рыбой. Правда, они отбывали также барщину в Дундаге, Попе и других помещичьих мызах, однако их собиралось обычно так много, что они могли и здесь свободно говорить на своем языке. Кроме того, сохранению ливского языка способствовали и природные условия. Между прибрежными деревнями ливов и внутренними частями страны лежит широкая полоса лесов и болот, которая в прежние времена, за отсутствием хороших дорог, являлась естественной границей. Следует отметить, что в ливском языке латыши и лив различаются не столько по национальной принадлежности, сколько именно по роду занятий: лив называется *kalamiez*, что значит «рыбак», а латыш — *māmiez*, что значит «крестьянин, земледелец». Область расселения ливов называется *rānda* — «берег», а область латышей — *mā* — «земля, страна». Гораздо реже употребляются в обыденной ливской речи слова *livlist* или *livd* — «ливцы» и *leflist* — «латыши». Различия между ливами и латышами по роду занятий отражаются и в ливском фольклоре. В одной из старейших записей ливских народных песен говорится:

Juokšõ lāja: ailõ lāja:
mād miers äb õo kändid.
Laz kazagõd kändõd māmie nurms,
kus ne voibõd addõrdi murd.
Беги, корабль, мчись, корабль,
в нашем море нет пней.
Пусть растут они в поле земледельца,
где они могут ломать плуги.

Словарный состав сам по себе не составляет еще языка. Язык представляет собой прочную систему, сочетающую в себе словарный состав, фонетику и грамматику (морфологию и синтаксис). И. В. Сталин назвал словарный состав языка строительным материалом для языка. Поэтому при рассмотрении взаимоотношений ливского и эстонского языков нельзя ограничиваться анализом одного лишь словарного состава, а необходимо остановиться на вопросе о том, оказал ли эстонский язык влияние на ливский язык в области фонетики, морфологии и синтаксиса, и если такое влияние было, то в чем оно проявилось.

Прежде всего остановимся на вопросе о возможном влиянии эстонского языка на звуковую систему современного ливского языка.

Ливскому языку и диалектам эстонских островов свойственен ряд общих фонетических черт, на которые нами было указано в более ранней работе¹.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25.

² Там же, стр. 29—30.

³ Там же, стр. 30.

⁴ L. K e t t u n e n. Livisches Wörterbuch, стр. IX и след.

¹ См. P. A r i s t e. Hiiu murrete häälikud. Tartu, 1940, стр. 277.

В западных деревнях ливской области Дундаги (Луж, Пиза), а также в ливском диалекте Салатен гласный среднего ряда *ō* перешел в лабиализованный *ū*, который в Дундаге развился в результате общей де-лабиализации в гласный *i*, например: лив. *mūtsā, miṣsā* — «лес», в восточных же деревнях — *mētsā*, эст. *mets*; лив. *rūkkāndə* или *rekāndə* — «говорить», эст. *rōkkama* — «кричать»; лив. *vūrəz* или *vērəz* — «чужой», эст. *võdras*. Лабиализация среднего гласного свойственна и эстонским островным диалектам: на о. Сааремаа *kōvā*, общеэст. *kōva* — «твердый»; *sōnā*, общеэст. *sōna* — «слово»; на о. Хийу *tōZi*, общеэст. *tōsi* — «правда», а также *rūhD* (<*rīnta*), общеэст. *rind* — «грудь»; *sūlD* (<*silta*), общеэст. *sild* — «мост». Как на о. Сааремаа, так и на о. Хийу гласный *ō*, развившийся из *õ*, местами произносится с особым оттенком, как гласный *ō* более низкий, чем обычное *ō*. Как показывает диалект о. Хийу, возникший из сааремааского диалекта после XIII в., так как во времена Генриха Латвийского этот остров был еще *insula deserta*, лабиализация средних гласных на о. Сааремаа, повидимому, представляет собой древнее явление. Хотя по обе стороны Ирбеского пролива мы имеем дело с одинаковым развитием звуков, все же в ливских говорах не следует видеть явного влияния фонетической системы эстонского диалекта о. Сааремаа. Можно лишь констатировать, что обоим языкам известна лабиализация, которая могла однако развиться в каждом из них самостоятельно и в разное время. Имеются и другие сходные явления в области фонетического развития обоих языков. Так, например, в говорах отдельных ливских деревень долгий гласный *ā* заменился соответствующими лабиализованными звуками: *ā̃, ȃ* или даже *ō̃*: наряду с *mā* встречаются *mā̃, mȃ, mō̃*, эст. *maa* — «земля», наряду с *kāla* — *kā̃la kȃla, kō̃la* — «остров». На территории эстонского языка лабиализация долгого *ā* свойственна и островным диалектам, но далее всего этот процесс развился в говорах о. Хийу, где, например, в говоре Пюхалепа встречаются формы *kā̃lūD, kō̃lūD* — «весы», эст. *kaalud*. В последнем случае также не может быть речи о влиянии эстонского языка на ливский, или наоборот. Здесь мы снова имеем дело с одинаковой тенденцией к лабиализации в обоих языках. Как в ливском языке, так и в эстонских островных диалектах можно установить весьма старую местную особенность, заключающуюся в тенденции переносить всю артикуляционную базу ближе к губам и интенсивнее использовать последнее. Эта артикуляционная особенность и вызвала вышеописанную лабиализацию как гласных среднего ряда, так и долгого *ā*. Эта особенность артикуляции в ливском языке и эстонских островных диалектах представляет собой территориальное явление, которое может быть описано, но возникновение и распространение которого в настоящее время еще не поддаются объяснению.

В этой связи следует указать на дифтонг *au*, который в ливском языке перешел в *ou* или, на слабой ступени, в *ō*, например: лив. *sōna*: *soйна* — «бани, бани»; эст. *saun* (род. пад. *sauna*, партитив *sauna*); лив.

loūla: *lōlaB* — «петь, поет»; эст. *laulda*: *laulab*; лив. *loudə*: *lōda* — «доска, стол», эст. *lauda*: *laud*. То же явление свойственно всему говору Сырве, тогда как в других частях о. Сааремаа оно не встречается: в говоре Ансекюля *ouD* — «могила», эст. *haud, pouk* — «выстрел», эст. *pauk*; в говоре Ямая *koūGel* — «далеко», эст. *kaugel, soū* — «глина», эст. *savi, sau*. Кроме того, случаи перехода *au* > *ou* наблюдаются и в западных деревнях о. Хийумаа в говоре Эмасте, например: *louṭ* — «хлеб», эст. *laut*; *ouGūD* — «дыры, ямы», эст. *augud*. Переход дифтонга *au* > *ou* характерен для всех диалектов по обе стороны Ирбеского пролива. Это явление имеет место и в латышском говоре Дундаги (*doudz* — «много», в латышском литературном языке *daudz*), а также в шведском говоре о. Рухну (*hou* — «высокий» < *haug*). Таким образом, мы наблюдаем здесь тот случай, когда в географически близких друг к другу языках, связанных постоянными взаимоотношениями, могут развиваться одинаковые фонетические явления¹.

Одной из наиболее характерных черт ливского языка является редукция кратких безударных гласных во всех слогах. Л. Кеттунен и другие исследователи современного ливского языка обозначили этот редуцированный гласный знаком *ə̃*, т. е. фонетическим знаком редуцированного *ō*, например: лив. *soṭnə̃* — «бани, баню», эст. *sauna*, лив. *mētkə̃D* — «мысли», эст. *mõtted*; лив. *ki'llə̃* — «в гости», эст. *külla*; лив. *jālgabə̃s* — «в городе»; лив. *kutsə̃māst* — «приглашение, зов», эст. *kutsumist*. Согласно орфографии ливского литературного языка, в изданиях последнего времени для обозначения этого звука употреблялась буква *õ*, которой обозначается также встречающийся в ударяемых слогах *õ*, близкий к эстонскому нередуцированному *õ*, например: лив. *võrōd* — «чужие», эст. *võdrad*; лив. *kōllō* — «поворот, изгиб». Однако в отдельных ливских говорах этот редуцированный гласный по качеству неодинаков. Так, в западноливских деревнях он имеет явный оттенок гласного *a*, т. е. является редуцированным *v*: *soйна* и т. д. Местами можно услышать и такое, соответствующее более исконным звуковым отношениям произношение, при котором редуцированный гласный, возникший из первоначального *a*, имеет явный оттенок этого звука: *ki'llv, soйна*. Образовавшийся же из исконного *ō* редуцированный гласный произносится с оттенком *e*: *mā̃ddən* — «у нас, нам»; *ta'llə̃* — «зимы, зиму», эст. *talve*. Такая же редукция кратких гласных во всех слогах, кроме первого, свойственна и диалектам эстонских островов: в говоре Ансекюля *anDajəD* — «дающие», общеэст. *andjad*; *kuskilə̃* — «куда-нибудь, куда-то», общеэст. *kuskile*; в говоре Пайде *akkDmD* — «начинать», общеэст. *hakama*; в говоре Пюхалепа *hakkDmD* — «начинать», общеэст. *hakama*; *oksv* — «ветку», общеэст. *oksa*; *varZiGəD* — «ластовины». В говорах о. Хийумаа редуцированное произношение гласного может иметь и другие нюансы. Помимо остро-

¹ P. Ariste. Hiiu murrete häälikud, стр. 38 и след.

вов, это явление известно также в некоторых эстонских диалектах и говорах западной части страны. Таким образом, редукция широко распространена по всей эстонской языковой территории. Во всяком случае, в ливском говоре Дундаги редуцированные гласные представляют собой старое явление, а не позднейшее образование. Естественно, что это явление отметили в своих записях и исследователи. Была ли редукция свойственна и другим ливским диалектам, сказать трудно. Судя по записям Шегрена, она, повидимому, отсутствовала в диалекте Салатси¹. Редукция наблюдается как в ливском языке, так и в эстонских островных диалектах, однако нельзя утверждать, что мы имеем здесь дело с заимствованием из одного языка в другой. Вообще западным диалектам прибалтийско-финских языков свойственна сильная «централизация», состоящая в том, что какой-нибудь из слогов, большей частью первый, произносится с такой силой, что гласные других слогов сокращаются, и деятельность органов речи при их образовании слабеет. На территории эстонского языка особенно сильная «централизация» наблюдается как раз в островных диалектах², однако в ливском языке она представлена еще сильнее. Причины возникновения редукции следует искать в далеком прошлом, когда связь между прибалтийско-финскими диалектами была оживленнее, чем в более позднюю эпоху. В отдельных же языках редукция получила дальнейшее развитие по внутренним законам каждого языка, и влияния другого языка в этом усматривать не следует. Говоря, в частности, о ливском языке, здесь нельзя предполагать влияния эстонских островных диалектов.

В диалектах эстонских островов краткие безударные гласные артикулируются вообще при значительно более низком положении языка, чем ударные и в особенности чем долгие ударные гласные. Таким образом, в островных диалектах имеется больше предпосылок для развития различных видов редукции, так как гласные с более низкой артикуляцией гораздо легче поддаются редукции и ассимиляциям разного рода, чем гласные с высокой артикуляцией³. То же самое можно сказать и о ливском языке. Поэтому в некоторых общих для ливского языка и эстонских островных диалектов случаях выпадения внутренних гласных нет надобности усматривать непосредственное влияние в том или ином направлении, ср. например, лив. *lapst* — «дети», эст. *lapsed*; лив. *sürd* — «большие», эст. *suured*; лив. *rāndalist* — «ливы, жители побережья» и т. д. В островных диалектах эстонского языка также можно встретить подобное падение внутренних гласных: *punast* — «красные», общест. *punased*; *parēmD*, *rīDəD* — «лучшая одежда», общест. *paremad*, *riided* и др.

Общей фонетической чертой ливского языка и эстонских островных диалектов является повышение артикуляции в разных диалектах гласного *ä*. В западных деревнях ливов Дундаги гласный *ä* имеет более

высокую, близкую к гласному *e* артикуляцию, которая неизвестна в восточных деревнях, например: лив. *gebà* — «пишка», эст. *käbi*; лив. *nēlga* — «голод», эст. *nālg*, в восточных же деревнях мы имеем *gābā*, *nālga*. В островных диалектах более высокая артикуляция гласного *ä*, в особенности долгого *ā*, весьма широко распространена, например, в диалекте Ямая *ēstama* — «бороновать», общест. *äestama*; *pē* — «голова», общест. *pea*; в говоре Ансекюля *sēl* — «там», общест. *seal*; *rēGib* — «говорит», общест. *räägib*; в диалекте Кихелькопна *pēl* — «на», общест. *peal*; *ē* — «хороший», общест. *hea*. Это явление наблюдается и на о. Хийумаа, за исключением говора Рейги. Никким образом нельзя утверждать, что в западных деревнях Дундаги мы имеем дело с непосредственным влиянием эстонских островных диалектов, так как по своему качеству более высокая артикуляция гласного *ä* в обоих языках неодинакова и наблюдается в различных условиях. В данном случае можно предполагать влияние латышской фонетики на ливский язык, так как в латышском языке гласный *ā* имеет более высокую артикуляцию, чем в прибалтийско-финских языках. Однако повышение артикуляции гласного *ä* в западноливских говорах могло произойти и на основе внутренних законов развития самого ливского языка.

Ливскому языку и всем эстонским диалектам свойственно продление гласного второго слога в том случае, если первый слог краток: эст. *külä* (в орфографии *küla*) — «деревня», *kenēleB* — «он говорит», *peDäjaD* — «сосны» и т. д. Особенной долготой отличается гласный второго слога именно в островных диалектах. Весьма долгим этот гласный является и в ливском языке: *kilä*, *külä* — «деревня», *rekkändə* и др. — «говорить», *piedägaD* — «сосны». Продление гласных второго слога известно и в западных диалектах финского языка. Таким образом, можно сказать, что мы имеем здесь дело с фонетической особенностью, которая охватывает большую языковую территорию и восходит, повидимому, к тем временам, когда связь между отдельными прибалтийско-финскими языками была гораздо более тесной, чем в настоящее время.

Имеется, конечно, еще немало других фонетических черт, общих для ливского, эстонского и других прибалтийско-финских языков, восходящих еще к эпохе их общности.

В ливском языке происходили и такие процессы фонетического развития, которые имели место и в эстонском и в других прибалтийско-финских языках. Сюда относится падение начального согласного *h*: лив. *aina*, эст. *hein*, т. е. *ein*, водск. *einä*, по ю.-эст. *hain*, фин. *heinä* — «сено» и т. д. Однако и в этих случаях нельзя говорить о каком-либо непосредственном влиянии эстонского языка, так как в ливском языке общее падение согласного *h* произошло совершенно независимо от того же явления в эстонском языке. Так, в ливском языке имеются и формы *niemō* — «корова», *lāb* — «идет» и т. д., где в эстонском языке *h* сохранился: *lehm* — «корова» и *läheb* — «идет».

¹ Livische Grammatik, стр. 10.

² P. Ariste. Hiiu murrete häälikud, стр. 31.

³ Там же.

Таким образом, и с точки зрения фонетического развития никак нельзя утверждать, что ливский язык под влиянием эстонского языка подвергся сколько-нибудь значительным изменениям и стал «смешанным» ливско-эстонским языком. Хотя ливский язык и имеет черты развития, общие с эстонскими островными диалектами, однако черты эти либо развились параллельно по внутренним законам обоих языков, либо восходят к периоду древней языковой общности. Они никак не могли возникнуть в сравнительно недавнее время. К ливскому языку относится полностью то положение И. В. Сталина, «что язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. . . Надо полагать, что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности»¹.

Как уже сказано выше, нельзя думать, что в течение последних столетий ливский язык значительно изменился вследствие того, что эстонский диалект о. Сааремаа оказал на него влияние в области лексики и фонетики. То же самое относится и к морфологии и синтаксису. Грамматический строй языка изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд.

В грамматике как ливского, так и эстонского языков имеется ряд общих черт, которые возникли в глубокой древности, но не являются общими для других прибалтийско-финских языков или имеют в них ограниченное распространение. Однако в большинстве случаев никоим образом нельзя утверждать, что мы имеем здесь дело с влиянием одного языка на другой, в частности с влиянием эстонского языка на ливский.

Говоря о падении звуков внутри слова, мы уже указывали на то, что как в ливском языке, так и в эстонских островных диалектах формы именительного падежа множественного числа слов, оканчивающихся на *-ne* и *-se*, сходны между собой, например: лив. *õbbist* — «лошади», эст. *hobused*; лив. *kylalist* — «гости», эст. *külalised*. В островных диалектах в этих случаях также отсутствует гласный перед приметой множественного числа *d*: в диалекте Ямая *inimäst* — «люди», общеэст. *inimesed*; *oBüst* — «лошади», общеэст. *hobused*. Это явление имеет общий характер и на о. Хийумаа: *hîGläst* — «великаны», *lauGäst* — «деревянные тарелки» и широко распространено также в западных диалектах на материке. Здесь мы, несомненно, наблюдаем лишь общий результат фонетического развития обоих языков, обусловленного внутренними законами каждого из них, а именно сходным образом протекавшим падением внутренних звуков.

В ливском языке так называемые внешние местные падежи весьма мало продуктивны. Они образуются главным образом от названий местностей или же употребляются адвербиально. В ливском языке аллатив и адессив не различаются по форме: *ma läb Iral* и *ma üob Iral* — «я иду в Ийру» и «я нахожусь в Ийре». При адвербиальном употреблении на-

блюдается лишь то различие, что в адессиве, в отличие от аллатива, нет удвоения согласных внутри слова, например: *lâb lovvõl* — «он идет в постель» и *magub loval* — «он спит в постели», *lâpš lekš karõl* — «ребенок пошел в пастухи» и *lâpš um kâral* — «ребенок в пастухах». На территории эстонского языка отсутствие формального различия между аллативом и адессивом широко распространено в западных диалектах¹. Здесь также не может быть речи о влиянии эстонского языка на ливский, перед нами и в этом случае пример одинакового развития в обоих языках, причем нельзя предположить, что здесь имел место переход вышеуказанного явления из одного языка в другой. Следует указать и на тот факт, что формальное различие между аллативом и адессивом исчезло также в карельских диалектах, которые не имели соприкосновения ни с эстонским, ни с ливским языками.

В ливском и эстонском языках имеются еще другие одинаковые формальные признаки имен, так, например, признак множественного числа *d* (< *t*): лив. *kyladõn* — «деревнями», эст. *küladele*; лив. *lambõdõks* — «с овцами», эст. *lammastega* и другие, относительно которых опять-таки нельзя сказать, что в ливском языке они являются заимствованными из эстонского.

Из формальных признаков глагола, общих для ливского и эстонского языков, следует упомянуть прежде всего имперфект с признаком *s*: лив. *tul paliz* — «огонь горел»; эст. *tuli põles*; лив. *ne lugist rântidi* — «они читали книги», эст. *nad lugesid raamatuid*; лив. *vejizmõ kalði* — «мы ловили рыбу», эст. *püüdsime kalu*. Прибалтийско-финским языкам известны два древних финно-угорских признака имперфекта: *-i-* и *-s-*. Для северной группы этих языков обычен лишь признак имперфекта *-i-* (за исключением некоторых юго-западных финских говоров), тогда как в южной группе встречаются параллельно оба признака или же результат их слияния в один сложный признак. Такие же формы знает и водский язык: водск. *miä antazin* — «я дал», эст. *ma andsin*; водск. *sõizattuzimma* — «мы остановились», эст. *seisatusime*²; ср. фин. *minä annoin, pysähdylimmä*. Как в ливском, так и в эстонском и водском языках наряду с имперфектом на *-s-* употребляются формы имперфекта на *-i-*: лив. *mæg tulmõ* (< *tulim-*), эст. *meie tulime*, водск. *mõ tulimma* — «мы пришли». Параллельное употребление двух признаков имперфекта в южной группе прибалтийско-финских языков, несомненно, является результатом древнего общего процесса развития, восходящего еще к тем временам, когда существовал тесный контакт между ливским, эстонским и водским языками.

Равным образом, древней общей чертой ливского и эстонского языков является отрицательная форма имперфекта на *-s-*: лив. *ma is tul*, ю.-эст. *ma? es (~is) tulõ?*, в диалекте о. Сааремаа *ma es tule*, общеэст. *ma ei tulnud* — «я не пришел». Древнее общее явление сааремааского диалекта и ливского

¹ P. Ariste. Hiiu murrete häälikud, стр. 102.

² P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu, 1948, стр. 76.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

языка представляет собой также одинаковая форма и одинаковое употребление глагола *leema*, который выражает будущее время: *mēg līmō sūōnōd* — «мы насытимся», *iṭō lib piga valmōz* — «работа скоро будет готова»; в говоре Сырве *siZ ma tē, ku ma lē (~li) sēl kāinD* — «я буду знать, когда схожу туда»; в диалекте о. Кихну *ei tāmā li mīite keDāGi suḍma* — «он ничего не получит, никак не получит». В ливском языке глагол *leema* гораздо более распространен, чем в эстонских диалектах, в старом же эстонском литературном языке он употреблялся чаще. Таким образом, и здесь ни в коем случае нельзя видеть влияния эстонского языка на ливский. В отношении сааремааского диалекта скорее можно было бы предполагать обратное, для чего, однако, нет достаточных оснований. В ливском языке и диалекте о. Сааремаа имеется еще ряд других древних общих черт. Таковы, например, формы повелительного наклонения: лив. *algō ta vōtag* — «пусть он не берет», эст. *ārgu ta vōtku*; в диалекте о. Сааремаа *ā vōtāG* — «не бери», эст. *āra vōta* и др., где следует усматривать лишь результаты древнего общего развития. В итоге можно констатировать, что ливский язык и эстонский диалект о. Сааремаа имеют общие древние морфологические черты, однако нельзя установить явных фактов влияния сааремааского диалекта на морфологию ливского языка. Выше приведены лишь наиболее типичные общие морфологические черты обоих языков. Что же касается других, то и они свидетельствуют о том же.

По своему синтаксису эстонский и ливский языки весьма близки друг к другу, что, однако, характерно и для всех других прибалтийско-финских языков. Поэтому на основе имеющихся данных нельзя установить, оказал ли эстонский диалект о. Сааремаа влияние на синтаксис ливского языка. Вероятно, такого влияния не было. О синтаксическом воздействии можно конкретно говорить лишь в одном случае. Однако и тут мы видим как раз обратное, а именно проникновение ливской конструкции в диалект о. Сааремаа. В ливском языке весьма обычен следующий оборот, выражающий долженствование: *minnōn um luggōmist*, эст. *pean lugema* — «я должен читать»; *hōndžōl um lāmist veijōm*, эст. *hommikul peab minema kalastama* — «утром нужно идти на рыбную ловлю»; *āb po āndamist*, эст. *ei pea andma* — «не следует давать». На территории эстонского языка эта фактически древняя прибалтийско-финская конструкция известна в южной части о. Сааремаа, а именно в Сырве: *kui minēmist inimeZel on, siZ on tāl nī tiDuZ*, эст. *kui inimepeab minema, siis on nī tāl kiire* — «когда человек должен идти, он так спешит». Поскольку на о. Сааремаа эта конструкция известна именно там, где чаще всего имели место соприкосновения с ливами, то в этом случае можно предположить влияние ливского языка, если только мы не имеем и здесь дела с древней общей чертой.

В итоге следует сказать, что ни жители о. Сааремаа, ни другие эстонцы не оказали на ливский говор Дундаги столь сильного влияния, чтобы можно было говорить о «смешанном» ливско-эстонском языке.

Эстонцы о. Сааремаа, правда, оказали некоторое влияние на словарный состав ливского языка, но и это влияние невелико. Сто лет назад, во время исследовательских экспедиций И. А. Шегрена, на ливском языке говорили и в Салатси, т. е. в исторической Ливонии. Ливы Салатси и Дундаги считали себя сородичами, говорящими на одном языке, тогда как эстонский язык представлялся им совершенно особым языком. Сношения между ливами Салатси и Дундаги все же носили случайный характер: они либо встречались в Рижской гавани, либо, спасаясь от бури на море, ливы Салатси попадали к ливам Дундаги, и наоборот¹. Поразительно все же, насколько близки друг к другу оба эти диалекта. Эта близость служит веским доказательством того, что элементы современного ливского языка были заложены уже в далеком прошлом. Явные латышские черты являются по большей части также общими для обоих диалектов и не могут быть объяснены лишь сходным процессом их развития. Часть латышских элементов, несомненно, весьма древнего происхождения и восходит к тому времени, когда поселения ливов занимали сплошную область по обеим сторонам Рижского залива. Это было установлено уже академиком И. А. Шегреном, который вместе с тем отметил, что современный ливский язык не может быть какой-то смесью эстонского языка с «подлинным» ливским языком².

IV

Говоря о влиянии эстонского языка на ливский, нельзя обойти молчанием вопрос о традициях ливского литературного языка, который уже с самого своего возникновения действительно шел в известной мере по следам эстонского языка. Зарождение ливского литературного языка относится к 1863 г., когда вышли в свет первые две книги на этом языке. Одним из создателей ливского литературного языка был Я. Принц, у которого черпал свои материалы академик И. А. Шегрен. «Старому» Принцу были свойственны сильные пуристские тенденции. В целях устранения заимствований из латышского языка он стремился оживлять архаизмы, вводил в употребление слова диалекта Салатси и создавал новые слова³, частично используя для этого элементы самого ливского языка. Но многие неологизмы были заимствованы им из эстонского языка или же созданы по его образцу. Я. Принц и его ученик акад. Шегрен полагали, что эти неологизмы с течением времени войдут в употребление, однако это сбылось лишь в весьма незначительных размерах, так как, начиная со времен Шегрена и Видемана, в период ликвидации феодализма, ливский язык, как уже сказано выше, стал быстро вымирать.

¹ А. J. Sjögren. Bericht..., стр. 548.

² Там же, стр. 560.

³ Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben..., стр. 111.

Известно, что Я. Принц знал эстонский язык¹. Из числа эстонизмов, введенных в ливский литературный язык и имеющих в ливско-немецком словаре Шегрена — Видемана, можно назвать следующие: лив. *alast* — «сжалиться» < эст. *halastama*; лив. *alastimin* — «сострадание» < эст. *halastamine*; лив. *and* — «дар» < эст. *and*; лив. *andōks and* — «прощать» < эст. *andeks anda*; лив. *eld* — «добродетельный» < эст. *helde*; лив. *ilus* — «красивый» < эст. *ilus*; лив. *ilustimi* — «украшение» < эст. *ilustamine*; лив. *jutt* (паст. вр. *jutub*) — «случаться» < эст. *juhtuma*; лив. *kajats* — «жаловаться, сожалеть», *ma kajatsōb* — «мне жалъ» < эст. *kahjatsema*; лив. *kallis* (ср. ст. *kallim*) — «дорогой» < эст. *kallis*; лив. *kāsk* (мн. ч. *kāskid, kāskimi*) — «приказ» < эст. *kāsk*; лив. *nāgus* — «пригожий» < эст. *nāgus*; лив. *nirt* (мн. ч. *nirtid*) — «ласка» < эст. *nirk*; лив. *rōmōst* — «радоваться» < эст. *rōdmustama*; лив. *surimi* — «смерть, умирание» < эст. *suremine*; лив. *tē* — «дорога» < эст. *tee*; лив. *tui* (уменьш. *tuiki*) — «голубь» < эст. *tuvi, tui*; лив. *tulus* — «умеренный», *tulum* — «умеренность» < эст. *tulus*; лив. *tunnistimi, tunstimi* — «познание», эст. *tunnistamine*; лив. *ulk* — «бродить, шлаться» < эст. *hulkuma*; лив. *vaim* — «дух» < эст. *vaim* и т. д. Кроме непосредственных заимствований, ряд слов создан по образцу эстонского языка. Так, здесь имеется весьма много абстрактных имен существительных, произведенных при помощи эстонского суффикса *-us*, каковы, например: *ainagus* — «единство» (ср. с подлинно ливским словом *ainagi* — «отдельный»); *ārgaus, ārgus* — «боязнь, страх» < *ārgali* — «робкий, боязливый»; *kovālus* — «ум» < *koval* — «хитрый»; *kureus* — «злоба» < *kure* — «плохой, противный» и др.; *lālamus* — «досада» < *lālam* — «тяжелый»; *pūdus* — «чистота» < *pūdaz* — «чистый»; *pūnus* — «краснота» < *punni* — «красный»; *santus* — «бедность» < *sant* — «бедный, жалкий»; *sangdus* — «толщина» < *sangdō* — «густой, толстый» и ряд других подобных слов.

Поскольку первые ливские книги были предназначены главным образом для ученых, интересующихся ливским языком, и вышли малым тиражом, в ливских деревнях они не получили широкого распространения. Таким образом, язык этих книг не оказал почти никакого влияния на обиходную речь ливов. Мало вероятно также, чтобы пуристы могли оказать заметное влияние на ливский язык путем устной пропаганды. В ливско-немецком словаре Л. Кеттунена лишь относительно нескольких явных эстонизмов указано, что они вошли в ливский разговорный язык через литературу.

Когда в 1920-х годах начали в большом количестве выходить ливские печатные издания, ливский язык снова подвергся влиянию эстонского языка, и притом в гораздо большей степени, чем во времена Я. Принца. Литературный язык времен Я. Принца удовлетворял главным образом нуждам далеких от народа богословов. В XX же веке литературный язык должен был в весьма многих областях отвечать требованиям ливской общности. Поскольку ранее в качестве литературного языка ливами употреблялся латышский язык, то возродившемуся ливскому

¹ А. J. S j ö g r e n. Bericht..., стр. 543.

литературному языку недоставало весьма многих слов, которые необходимо было создать. Эти новые слова создавались по образцу латышского и эстонского языков. На основе эстонского языка было образовано весьма много сложных слов, а также ряд производных с новыми значениями. Равным образом были осуществлены прямые заимствования из эстонского языка, причем, однако, заимствованные слова лишь в редких случаях сохранили тот фонетический облик, какой они имеют в эстонском языке. Большая же часть этих слов подверглась изменениям согласно фонологическим требованиям ливского языка. Ниже приводится ряд эстонизмов, отмеченных нами при чтении ливских книг: лив. *amasugiži nāgtōmiži* ~ эст. *igasuguseid naitusi* — «различные выставки»; лив. *okonomiži jeddōvōtamīži* ~ эст. *ökonomilisi ettevōtteid* — «экономические предприятия»; лив. *ūt ažad ajami um livōd kielsō* ~ эст. *seltsi sajaajamine on liivi keeles* — «делопроизводство общества ведется на ливском языке»; лив. *munt tamsuggōst ūtōdōks* ~ эст. *muude niisuguste seltsidega* — «с другими такими обществами»; лив. *kassōpidaji*, эст. *kassapidaja* — «кассир»; лив. *lugdōbrāntōz um tuoimdōt alizskūol ežmist klasud pierast*, эст. *lugemisraamat on toimetatud algkooli esimeste klasside jaoks* — «хрестоматия составлена для первых классов начальной школы»; лив. *sūomlist, ēstlist, letlist ja munt rovvōd*, эст. *soomlased, eestlased, lätlased ja muud rahvad* — «финны, эстонцы, латыши и другие народы»; лив. *aru sādōb*, эст. *arusaadav* — «понятный»; лив. *tieudmied, kis livōd kieldō at pātōnd*, эст. *teadusmehed, kes liivi keelt on uurinud* — «ученые, которые изучали ливский язык»; лив. *tuoimiji*, эст. *toimetaja* — «редактор»; лив. *lūltiji*, эст. *luuletaja* — «поэт»; лив. *kas*, эст. *kas* — «разве»; лив. *aga*, эст. *aga* — «ведь» и др. Ливский литературный язык изобилует такими эстонизмами, которые чужды ливскому общенародному языку. Ливский разговорный язык не может считаться нормированным, большинство ливов пользуется говором своей родной деревни. Тот факт, что ливский литературный язык никогда не принимал общенародного характера, объясняется тем, что он не был языком, на котором велось преподавание в школах. Однако, с другой стороны, нельзя утверждать, что ливский литературный язык, в результате проникновения в него эстонизмов, стал «смешанным» языком.

Заканчивая обзор взаимоотношений ливского и эстонского языков, следует сказать, что, хотя ливский язык и имел с давних времен близкие соприкосновения с эстонским языком, в частности с островными диалектами, все же он сохранился как самостоятельный язык, сложившийся много столетий назад.

Исследователь ливского языка Л. Кеттунен ошибочно полагал, что ливский и эстонский языки только на первый взгляд представляются близкими друг другу. Взаимное же понимание людей, говорящих на этих языках, обуславливалось, по его мнению, лишь тем, что старшее поколение ливов привыкло слышать эстонский язык и говорить на нем. Для установления исконной природы ливского языка необходимо было бы снять с него

эстонские наслоения¹. Выше было указано, что именно в ливском языке следует считать подлинными эстонизмами. В настоящее время ливский язык является самостоятельным прибалтийско-финским языком, каковым он был и в далеком прошлом. Ливский язык имеет немало общего с эстонским языком, однако во многом он расходится с последним. Различия эти обнаруживаются главным образом в словарном составе ливского языка. Особенности чередования ступеней звуков в ливском языке, его своеобразная лексика, сильное смещение с латышским языком и т. д. свидетельствуют о том, что в течение весьма долгого времени ливский язык развивался совершенно независимо от эстонского языка.

Финские языковеды также полагали, что ливский язык представляет собой некую смесь исконно ливских, южноэстонских и северноэстонских элементов². Такое мнение решительно ни на чем не основано. Как уже сказано выше, ливский язык по существу несколько не ближе к южноэстонским, чем к северноэстонским диалектам. Отдельные фонетически совпадающие слова вовсе не свидетельствуют о близости ливского языка и южноэстонских диалектов. На основании имеющихся данных можно смело сказать, что ливский язык, выделившись из прибалтийско-финского языка-основы, начал развиваться своим путем примерно в одно время с южноэстонскими и северноэстонскими диалектами. На самостоятельное формирование в глубокой древности как эстонских племен (южного и северного), так и ливского племени правильно указывал выдающийся советский финно-угровед Д. В. Бубрих³.

С другой стороны, на основании некоторых случайных совпадений высказывалось предположение, что ливский язык в какой-то мере близок к вепсскому языку. В качестве доказательства приводился главным образом факт почти полного отсутствия в вепсском языке радикального чередования ступеней звуков и незначительного распространения этого чередования в ливском языке. Между тем чередование ступеней звуков свойственно всем прибалтийско-финским языкам, но в отдельных языках его распространение и пути развития весьма различны. Определяя ближайшие взаимоотношения отдельных языков лишь на основании данных чередования ступеней звуков, нельзя еще делать никаких выводов.

Как показывают новейшие исследования, на территории Эстонии до начала II тысячелетия до н. э. существовал матриархальный родовой строй. Начиная же с II тысячелетия и до VIII столетия н. э. господствовал патриархальный родовой строй. В эпоху патриархата скотоводство являлось основным способом добывания средств к жизни. Позднее, главным образом с начала нашей эры, развивается и подсечное земледелие. Примерно такое же положение наблюдалось, повидимому, и в областях,

¹ L. Kettunen. Über das Verhältnis der ostseefinnischen Sprachen und die vorgeschichtliche Gruppierung der entsprechenden Völker. — «Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat», 1938 (Tartu, 1940), стр. 102.

² Там же, стр. 116.

³ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суомского языка, стр. 11 и след.

занятых в то время предками ливов. С развитием скотоводства и земледелия в истории прибалтийско-финских племен имели место перегруппировки и начали формироваться новые племенные единицы. Можно предположить, что в это время начали складываться эстонские, ливские и другие прибалтийско-финские племена¹. Позднее, когда в областях расселения эстонцев и ливов родовой строй сменился территориально-общинным, различия между отдельными племенами все более углублялись.

V

На окончательное формирование ливского языка оказали весьма сильное влияние языки балтийских племен, а позднее именно латышский язык. Как будет видно из дальнейшего изложения, нельзя утверждать (как это делали некоторые ученые), что вследствие этого ливский язык стал каким-то смешанным латышско-ливским языком, т. е. новым языком, который уже не является «подлинным» финно-угорским языком.

Во всех прибалтийско-финских языках имеется много древних заимствований из балтийских языков, подобно тому, как в этих последних встречается немало прибалтийско-финских заимствований. Имеется также большое количество таких слов, относительно которых нельзя установить, проникли ли они из балтийских языков в прибалтийско-финские, или наоборот. Общий обзор взаимоотношений балтийских и прибалтийско-финских языков появился уже в конце прошлого века, когда датский ученый В. Томсен издал в 1890 г. свое исследование о балтийских заимствованиях в прибалтийско-финских языках². Томсен исходит из того положения, что заимствующей стороной были в основном прибалтийско-финские языки. Этого ошибочного взгляда придерживались и многие позднейшие исследователи, занимавшиеся рассмотрением вопроса о древнейших взаимоотношениях прибалтийско-финских и балтийских языков. Из древних балтийских заимствований в ливском языке большинство составляют такие слова, которые встречаются либо во всех остальных прибалтийско-финских языках, либо в некоторых из них. Этих древних балтийских заимствований, свойственных именно только ливскому языку, немного. Из них назовем следующие: лив. *palandōks* — «голубь», лит. *balañdis*, латыш. *balodis*; лив. *lōiga* или *lōga* — «слишком, очень много», лит. *ližkas*, латыш. *lieks*; лив. *puba* — «боб», лит., латыш. *pupa*; лив. *kōidaz* — «бердо», лит. *skiētas*, латыш. *skiets*; лив. *kill* — «зеленый дятел», латыш. *dzilna*, *dzilnis*; лив. *vāgal* — «налим», лит. *vėgėlė*, латыш. *vėdzele* и некоторые другие слова. Из того факта, что древние балтийские заимствования являются общими для всех прибалтийско-финских языков, можно заклю-

¹ Г. Мосберг и А. Вассар. Основные вопросы периодизации истории Эстонской ССР. — «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 63.

² V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København, 1890. Имеется и немецкий перевод: «Berührungen zwischen den finnischen und den baltischen (litauisch-lettischen) Sprachen».

читать, что в эти языки они проникли еще в ту эпоху, когда не существовало ни ливского, ни эстонского языков в современном смысле слова, а господствовала прибалтийско-финская языковая общность.

Позднее, в период своей обособленной жизни, ливский язык вошел в гораздо более тесный контакт с языками балтийских племен, чем другие прибалтийско-финские языки. Это и понятно, если учесть тот факт, что ливская территория была окружена поселениями балтийцев. Ливский язык имел соприкосновения с языками латгалов, куршей и земгалов, а позднее, в течение долгого времени, с латышским языком. Ливский язык содержит такое большое количество старых и новых латышских заимствований, что вряд ли можно построить хотя бы одну ливскую фразу, в которой не встретилось бы какое-либо слово латышского происхождения. Латышские заимствования имеются во всех пластах ливской лексики, причем они проникали в нее в течение весьма долгого периода. Из Хроники Генриха Латвийского нам известно, что во время ее возникновения ливы и латыши, или же близкие к последним курши, жили местами попеременно как в Ливонии, так и в Куронии¹. Так, ливы бассейна Западной Двины и латгалы (русс. летьгола) составляли смешанное население на протяжении от Айзкраукле до Лиепварде. Согласно данным Хроники, между Метсеполе и Цесис находилась небольшая область Идумея, заселенная ливами и латгалами. В Куронии на обширной территории располагались поселения ливов и куршей в непосредственной близости друг от друга. В результате такого расселения уже в то время здесь могло существовать двуязычие, содействовавшее усвоению ливским языком большого количества балтийских элементов, с одной стороны, и пропикновению в латышский язык ливских элементов — с другой.

Древнейшие заимствования из латышского языка, встречающиеся в ливском языке, получили прибалтийско-финский фонетический облик, т. е. полностью ассимилировались с тем словарным составом, который был унаследован ливским языком из общего прибалтийско-финского словарного фонда. Сюда относятся, например, такие слова, как лив. *krežil* — «корзина» < латыш. *grezele*; лив. *tūr* — «угол» < латыш. *stūris*; лив. *rāibō* — «сгребать» < латыш. *grābt*; лив. *vērbikšō* — «прятать» < латыш. *vērpt*; лив. *plaka* — «клоп» < латыш. *blakts*; лив. *judrōz*, *judqōrs* — «рыбки» < латыш. *judras* и др.

Однако большинство содержащихся в ливском языке латышских заимствований имеет фонетическую структуру, которая не является общей для всех прибалтийско-финских языков. В этих заимствованиях встречается ряд звуков, которых в ливском языке первоначально не было или которые встречаются в таких положениях, в каких мы их обычно не находим в прибалтийско-финских языках. Таковы слова: лив. *biedrōz* — «товарищ» < латыш. *biedrs*; лив. *dāgōt* — «деготь» < латыш. *degots*; лив. *dūob* — «гряды» < латыш. *dobe*; лив. *daļa* — «часть» < латыш.

daļa; лив. *dzizlōz* — «жила» < латыш. *dzisla*; лив. *dadža* — «репейник» < латыш. *dadzis* (род. пад. *dadža*); лив. *gūod* — «честь» < латыш. *gods*; лив. *groudōz* — «зерно» < латыш. *grauds*; лив. *gōdali* (мн. ч. *gōdalist*) — «медленный, медлительный» < латыш. *gaudens*; лив. *znuot* — «зять» < латыш. *znots*; лив. *zirmī* — «седей» < латыш. *sirms*; лив. *nēžōd* — «кормыло» < латыш. мн. ч. *nēši*; лив. *sprādž* — «прыжка» < латыш. *sprādze*; лив. *eža* — «межа» < латыш. *eža*; лив. *tsākiļ* — «щетка, вихор» < латыш. *cekulis*; лив. *tsārōm* — «глист» < латыш. *cērme* и т. д. В этих словах встречаются звонкие взрывные согласные *b, d, g*, в начале слов — согласные *z, š, ž, ts*, а также группы согласных — все эти явления не свойственны общему фонетическому облику прибалтийско-финских языков. Однако как вышеприведенные, так и многие другие слова показывают, что они были заимствованы из латышского языка не в их подлинном виде, а в известной мере измененными, т. е. в форме, соответствующей законам развития ливского языка. Правда, в местном латышском диалекте Дундаги ряд слов, приводимых нами в литературной форме, по своему облику более близок к их ливским соответствиям, однако следует учитывать тот факт, что в этом диалекте имеется весьма сильный ливский субстрат. Насколько латышские заимствования приспособлялись к требованиям ливской фонетики, видно и из тех слов, фонетическая структура которых была более близка к ливскому и другим прибалтийско-финским языкам. Так, например: лив. *paipōl* — «перепел» < латыш. *paipala*; лив. *pātō* — «исследовать» < латыш. *pētīt*; лив. *louk* — «поле» < латыш. *lauks*; лив. *āik* — «крюк» < латыш. *āķis* и др.

Хотя в отношении словарного состава ливский язык и испытал на себе сильное влияние латышского языка, нельзя, однако, утверждать, что в результате этого влияния ливский язык представляет собой некую смесь латышского языка и «прежнего» ливского языка. Аналогичную картину мы наблюдаем в эстонском языке, содержащем большое количество нижненемецких заимствований, что не дает все же основания считать эстонский язык каким-то смешанным эстонско-нижненемецким языком. Так и здесь, несмотря на большое количество латышских заимствований, ливский язык остался финно-угорским языком. И хотя на ливском языке говорит незначительное число лиц, этот последний остается до сих пор тем же ливским языком, развивающимся по своим внутренним законам. Как известно, ливский язык оставил свои следы и в латышском языке, оказав на него особенно сильное влияние в части лексики и менее сильное в части фонетики и грамматики. Однако перевес оказался на стороне латышского языка, так как территория ливского языка все более суживалась и продолжает суживаться в настоящее время, до тех пор пока он не будет окончательно вытеснен латышским языком. Однако до тех пор, пока оба эти языка сосуществуют, в каждом из них преобладает собственный основной материал. В латышских диалектах с ливскими элементами число последних постепенно уменьшается, и ливский субстрат становится все менее заметным. Ливский же язык нахо-

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 20 и след.

дится на том этапе развития, когда количество имеющихся в нем латышских элементов все возрастает, тогда как говорящий на нем коллектив непрерывно уменьшается. Сфера бытования ливского языка весьма ограничена: она ограничивается пределами домашнего обихода какого-нибудь десятка деревень. Однако до тех пор, пока раздается ливская речь, ливский язык будет развиваться по своим внутренним законам. Об этом свидетельствует его грамматика, которая, как известно, более устойчива, чем словарный состав. Поэтому в грамматике ливского языка мы не наблюдаем столь сильного влияния латышского языка, какое имеет место в области словарного состава. Грамматический строй ливского языка в основном тот же, что и в эстонском, водском, финском и других прибалтийско-финских языках. Система ливского склонения и спряжения отличается от таковой других прибалтийско-финских языков лишь некоторыми деталями. В области словообразования здесь также имеются лишь отдельные черты, не известные другим прибалтийско-финским языкам. Наибольшее влияние латышского языка на ливскую грамматику сказывается в системе глагола. Так, например, категория вида может быть выражена при помощи заимствованных из латышского языка префиксов: лив. *aizvōttō* — «заимствовать, отнять», латыш. *aizņemt*; лив. *apnuttō* — «позвать», латыш. *apsaukt*; лив. *aptiedō* — «окружить», латыш. *aptaisīt*; лив. *atjengō* — «дохнуть, отдохнуть», латыш. *atpūsties*; лив. *atandō* — «отдать», латыш. *atdot*; лив. *ielādō* — «войти», латыш. *ieiet*; лив. *izumbļō* — «выпить», латыш. *izšūt*; лив. *nuopeļļō* — «заработать», латыш. *nopeļnīt*; лив. *nuolādō* — «уйти», латыш. *noiet*; лив. *pakandō* — «вынести, перенести», латыш. *panest*; лив. *pieandō* — «простить», латыш. *piedot*; лив. *pievōttō* — «принять, предположить», латыш. *pieņemt*; лив. *samoistō* — «понять», латыш. *saprast*; лив. *savodlō* — «обождать», латыш. *sagaidīt*; лив. *uzprašō* — «заметить», латыш. *uzpasēt*; лив. *uzvōttō* — «снять», латыш. *uzņemt*. Приведенные префиксы могут встречаться и в сочетании с именами, как, например, лив. *ierōz* — «розоватый», *pakažži* — «мокрватый» и т. д. Употребление этих префиксов в ливском языке, повидимому, не особенно позднего происхождения. Они имеются и в ливском диалекте Салатси. Так, в записях отмечены такие слова, как *aislāed* — «уйти», *apkaist* — «оросить», *iepalat* — «закнечь», *iskannat* — «перенести, вынести» и др. Возможно, что отдельными диалектами эти префиксы были заимствованы самостоятельно, однако можно также предположить, что они проникли в ливский язык еще в тот период, когда существовала связь между ливами прежних Ливонии и Куронии.

Под влиянием латышского языка особый облик приобрели и отрицательные формы ливского глагола, а именно во множественном числе здесь встречаются личные окончания, чего не наблюдается в других прибалтийско-финских языках. Так, в ливском языке мы имеем в единственном числе: *ma lugub* — «я читаю», *sa lugud* — «ты читаешь», *ta lugub* — «он читает» и в отрицательной форме: *ma āb lug* — «я не читаю», *sa ād lug* — «ты не читаешь», *ta āb lug* — «он не читает», где глагол не полу-

чает личных окончаний; во множественном числе: *mēg luggōm* — «мы читаем», *tēg luggōt* — «вы читаете», *ne luggōbōd* — «они читают» и в отрицательной форме: *mēg āb luggōm* — «мы не читаем», *tēg āt luggōt* — «вы не читаете», *ne āb luggōt* — «они не читают», где глагол получает личные окончания. Таким образом, во множественном числе отрицательные формы 1-го и 2-го лица имеют те же личные окончания, что и утвердительные формы. Всем другим прибалтийско-финским языкам личные окончания в отрицательных формах глагола неизвестны и во множественном числе: ср. фин. *emme lue*, *ette lue*, *eivät lue*, водск. *emā, etā, ēvād lugō*. В ливском языке личные окончания свойственны во множественном числе и отрицательным формам прошедшего времени: *ma iz lug* — «я не читал», *sa ist lug* — «ты не читал», но *mēg iz luggōm* — «мы не читали», *tēg ist luggōt* — «вы не читали» (ср. в эст. диал. Кодавере: *esin, esid, esimā, esitā loe* и т. д. — «я не читал», «ты не читал» и т. д.). Наличие личных окончаний в отрицательных формах спряжения типично для индоевропейских, а следовательно, и для балтийских языков.

Влияние латышского языка можно видеть и в употреблении причастий, например: лив. *nītōb mā* — «земля, где нужно косить», латыш. *pļaujamā zeme*; лив. *juva pidatōb lūmōz* — букв. «хорошо содержащее животное», латыш. *labi turējamais lops* и т. д. Поскольку такое употребление причастий наблюдается и в других прибалтийско-финских языках, влияние латышского языка носит здесь, повидимому, побочный характер, ср. фин. *kynnettävä maa* — «земля, которую следует пахать», *niitettävä niitty* — «луг, который следует косить». В ряде других деталей глагольной системы также можно установить латышское влияние, но здесь оно весьма незначительно. В системе именного склонения наиболее характерным латонизмом является употребление дательного падежа в тех же функциях, в каких он употреблялся в латышском языке, например: *ānda lapsōn leibō* — «дай ребенку хлеба», *lapsōn um leba* — «у ребенка есть хлеб»; ср. латыш. *dod bērnam maizi, bērnam ir maize*. Из местоименных наречий, такие, как *sāl īž* — «там же» (т. е. «там сам», слово *īž* — «сам»), *nei īž* — «так же», *tās īž* — «здесь же» и др., явно аналогичны соответствующим латышским наречиям, ср. латыш. *turpat, tāpat* и т. д. (латыш. *pats* — «сам»).

Влияние латышского языка менее всего сказывается в области ливского словопроизводства. Проникший, например, из латышского языка суффикс *-ig* (*āndig* — «щедрый», *armlig* — «милостивый») получил распространение через посредство заимствованных из латышского языка слов с тем же суффиксом: *mierig* — «спокойный» < латыш. *mierīgs*; *viltig* — «обманчивый» < латыш. *viltīgs*. Заимствованием из латышского является, повидимому, и суффикс *-ōm*: *kovalōm* — «ум», *pūdōm* — «чистота», *kōvrōm* — «кривизна»; ср. латыш. *siltums* — «теплота», *lielums* — «величина» и др. Несомненно латышского происхождения является суффикс *-ib*: *kovalib* — «ум», ср. латыш. *gudrība* — «ум». Очевидно, латышского происхождения и такие производные прилагательные с отрицательным значе-

нием, как *ābjōva* — «плохой», *ābsieldō* — «неясный, смутный»; ср. латыш. *nelabs* — «плохой», *neskaidrs* — «неясный, смутный». Здесь латышскому предлогу *ne* соответствует в ливском переводе *āb*. Латышским заимствованием является приставка *bās-* — «без»: *bāsuidō* — «бесстыдный» *bāsroudzi* — «бессильный»; ср. латыш. *bezkaunīgs* — «бесстыдный» и *bezspēcīgs* — «бессильный». Вообще же заимствований из латышского языка в области словообразования имеется лишь незначительное количество, и они не характерны для всей системы ливского языка в целом.

Можно, конечно, установить ряд латышских черт и в области синтаксиса ливского языка, как, например, употребление 3-го лица единственного числа в безличных оборотах: *ku um jōva āiga, siz veijōb kallō* — «когда хорошая погода, ловят рыбу»; *tānda nutab pa Liž* — «ее зовут Лизой». В латышском языке этому соответствует: *kad laiks ir labs, tad zvejo; viņi sauc pa Lizi*. Сходство с латышским языком наблюдается и в образовании сравнительной степени: *Kūolka um jo sūr kyla āb ku Ire* — «деревня Куолка больше, чем Ире», ср. латыш. *Kolka ir lielāka nekā Mazirbe*. Здесь латышское *neka* буквально переведено на ливский язык словами *āb ku*. В некоторых диалектах латышского языка имеется сравнительная степень *jo liela* — «большая». Однако и в области синтаксиса влияние латышского языка не столь велико, чтобы считать ливский язык совершенно отличным от других прибалтийско-финских языков. И в синтаксисе ливский язык сохранил свой финно-угорский облик.

После словарного состава латышское влияние сказывается сильнее всего на звуковой системе ливского языка. Фонетическое влияние латышского языка началось еще в далеком прошлом и продолжается в настоящее время. Так, например, в языке последних поколений ливов лабиализованные гласные *ō* и *y* делябилизировались, так как латышский язык не знает лабиализации. В западноливских деревнях в речи отдельных стариков встречаются и сейчас такие формы, как *sydam* — «сердце», *iūō* — «работа», *kyla* — «деревня», *rōptō* — «тристи», тогда как ливы среднего и младшего возраста и здесь произносят, как и в восточных деревнях вообще, *sidam, tie, kila, reptō*. В ливском литературном языке принято по традиции писать *sydam, iūō, kyla, rōptō*. Однако такое архаизированное правописание с точки зрения современного ливского языка ничем не оправдано.

К древним звуковым изменениям, возникшим под влиянием латышской фонетики, принадлежит, например, падение согласного *h*, не существующего в латышском языке. В ливском языке *h* исчезло не только в тех случаях, в каких оно исчезло и в эстонском языке, т. е. в начале слова и после согласных (лив. *ibbi* — «лошадь», *vana* — «старый», эст. *hobune* произносится *oBūne, vana*, фин. *hevonen, vanha*), но и во всех остальных, например: *mied, rā, piemdō, nāgō*, которым в эстонском языке соответствуют *mehe* — «мужчины», *raha* — «деньги», *pehme* — «мягкий», *nahk* — «кожа». Фонетическое влияние латышского языка обнаруживается и в том, что вместо слабых глухих взрывных согласных и согласного

s прибалтийско-финских языков мы имеем в ливском языке *b, d, g, z*, например: *tuba* — «комната», *jālga* — «нога», *kuoda* — «дом», *iza* — «отец»; фин. *tupa, jalka, kota, isä*. Как падение согласного, так и развитие взрывных и звонкого *z* в ливском языке были свойственны также диалекту Салатса, а это указывает, повидимому, на то, что данные фонетические явления весьма древнего происхождения.

Так как ливский и латышский языки на протяжении веков тесно соприкасались друг с другом, то и ливский язык оказал влияние на латышский как в области лексики, так и в области грамматики и фонетики¹. Кроме того, имеется ряд фонетических черт, развившихся параллельно в ливском и латышском языках. К таким общим фонетическим явлениям относится, например, развитие смягченных *š, ž* и *tš* в *š, ž, tš*-(*č*): лив. *māškōz* — «земляника», *lāpš* — «ребенок», *tāuž* — «полный», *aža* — «вещь», *kitš* (окрик, которым прогоняют козу), *voišō* — «искать» и др.; эст. *maasikas, laps, täis, asi, kits, otsida* и фин. *mansikka, lapsi, täysi, asia, etsiä*; ср. латыш. *šūt* и лит. *siuti* — «шить», латыш. *lācis* — «медведь» (род. пад. *lāča* < **lāca*) и др. Общим для обоих языков является также удлинение кратких гласных перед группой звонких согласных: лив. *jālga, āmbaz, sūormōd, kōlbōb, vierda, kuldast*, ср. эст. *jalg* — «нога», *hammas* — «зуб», *sõrmed* — «пальцы», *kõlbab* — «годится», *verd* — «кровь», *kullast* — «из золота». Исконому краткому гласному балтийских языков в латышском языке при данных условиях также соответствует долгий гласный². Как латышскому, так и ливскому языкам свойственна сходная интонационная система. Под влиянием латышского языка и в результате общих процессов развития ливский язык в фонетическом отношении в наибольшей мере отошел от других прибалтийско-финских языков. В основных же своих чертах он остался все же более близким к прибалтийско-финским языкам, чем к балтийским.

Как уже показано выше, ливский язык оказался все же очень устойчивым в своем взаимодействии с латышским языком, так как он сохранил и будет сохранять свой основной финно-угорский облик до конца своего существования. В то же время ливский язык всегда развивался по своим внутренним законам. Однако никоим образом нельзя обойти молчанием то большое значение, какое имел латышский язык для окончательного формирования современного ливского языка. В исследованиях о ливском языке вопрос о влиянии латышского языка рассматривался поверхностно или же полностью замалчивался. Однако многие первоначально не-финно-угорские черты приняли в ливском языке столь общий характер, что ливский язык был бы без них вообще немислим.

¹ J. Endzelīns. Latviešu valodas skaņas un formas. Rīga, 1938, стр. 4 и след.; его же. Baltu valodu skaņas un formas. Rīga, 1948, стр. 9; его же. Latviešu valodas grammatika. Rīga, 1951, стр. 19 и след.; его же. О латышско-финских языковых связях. Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951, стр. 299 и след.; V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog.

² J. Endzelīns. Baltu valodu skaņas un formas, стр. 28 и след.

Уже академик И. А. Шегрен правильно указал, что взаимодействие латышского и ливского языков сыграло немалую роль в формировании латышского языка в его современном виде¹. Наряду с влиянием ливского языка на образование латышского языка, ливы приняли непосредственное участие в формировании латышской народности. С течением времени к основному ядру ливов примешивались все новые массы латышей. Буржуазные ученые, исследователи финно-угорских или балтийских народов, постоянно подчеркивали антагонизм между ливами и латышами, утверждая, что этот антагонизм весьма древнего происхождения. Так, они ссылались на отдельные места Хроники Генриха Латвийского, где говорится о враждебных отношениях между балтийскими и прибалтийско-финскими племенами, забывая о том, что та же Хроника упоминает о военных столкновениях между ливами и эстами, а также между эстами и воедью. Антагонизм между ливами и латышами в Дундаге стал проявляться фактически лишь с ростом капитализма, когда начала складываться латышская нация. Противоречия тем более обострялись, чем напряженнее становились отношения между антагонистическими классами в деревне. В период феодализма как ливы, так и латыши, в одинаковой мере, зависели от помещиков, и у них были общие интересы, которые они старались отстаивать в борьбе против угнетателей. С развитием же капитализма отношения между ливами и латышами стали изменяться. Ливы были почти исключительно рыбаками и моряками, добывавшими себе пропитание собственным трудом, тогда как в расположенных за лесами крупных латышских хуторах быстро развивалось кулачество, которое и стало угнетать и преследовать ливов. С ростом буржуазного национализма началось последовательное угнетение ливов и их языка латышскими националистами, причем в буржуазной Латвии, в особенности в период хозяйничанья клики Ульманиса, этот гнет стал особенно сильным. В противовес латышскому национализму немногочисленные ливские буржуазные националисты старались разжигать вражду к латышам. Однако главную роль в деле разжигания этой вражды играли эстонские и финские буржуазные исследователи и деятели, посещавшие побережье ливов.

VI

Говоря о формировании ливского языка, необходимо учитывать еще один важный фактор, который хотя и не играл такой большой роли в образовании диалектов Дундаги и Салатси, какую играл латышский язык, но оказал все же в свое время заметное влияние на диалект придвинских ливов. Этим фактором были восточнославянские диалекты, а позднее русский язык. По Западной Двине, в устье и на берегах которой жили ливы, проходил один из важнейших древних путей в восточную Европу. На этом большом торговом пути уже в весьма отдаленные времена происходило общение ливов и восточных славян. Крупнейшим племенем

восточных славян, с которым непосредственно соприкасались латгалы и ливы, были кривичи. Особенно тесными стали сношения прибалтийских племен и их восточных соседей в течение IX—XIII вв. главным образом по той причине, что в это время в восточной Европе появился новый могущественный политический и культурный фактор — Киевская Русь¹. Вместе с укреплением политического строя Киевской Руси шел процесс роста территории государства. При Владимире (978—1015) границы Киевской Руси простирались от Балтийского до Черного моря. В ее состав входили земли не только славянских, но и некоторых других племен, в том числе значительная часть территории Прибалтики. Начиная со второй половины XI в., когда политическое единство Киевского государства начало ослабевать, активную политику в Прибалтике проводили Полоцкое и Новгородское княжества. Стремясь обеспечить себе торговый путь, полоцкие князья укрепились на Западной Двине. Опорными пунктами служили укрепленные замки Ерсика и Кокнесе². Генрих Латвийский указывает в своей Хронике, что придвинские ливы платили дань русским князьям, владения которых с городищами Ерсика и Кокнесе непосредственно примыкали к территории ливов³. Однако сношения между ливами и восточными славянами начались значительно ранее времен Генриха Латвийского. В ливском языке имеются весьма древние восточнославянские заимствования, восходящие, повидимому, к диалекту кривичей. Князья Ерсика и Кокнесе находились в зависимости от полоцкого князя в области кривичей, которую Западная Двина пересекает в своем верхнем течении. Из Хроники явствует, что немецкие захватчики, вторгшиеся в ливскую область, должны были признать *de jure* и *de facto* верховную власть полоцкого князя над ливами бассейна Западной Двины. Уделы Полоцкого княжества представляли собой древнейшие государственные образования в Ливонии. Продолжительные непосредственные сношения с кривичами оставили весьма заметные следы в ливском языке. Древними славянскими заимствованиями являются здесь такие слова, как лив. *pāsmēr* (в диал. Салатси) — «безмен»; лив. *kāškō* — «шуба» < русск. *кожух*; лив. *lina* — «лен» < др.-русс. *льнъ*; лив. *loda* — «ладья» < русск. *лодья*; лив. *lābdi* русск. *лопата*; лив. *mār* — «мера» < др.-русс. *мѣра*; лив. *sāpkōd* русск. *сапоги*; лив. *pāsmōz* < русск. *пасмо*; лив. *sīrp* (в диал. Салатси), *tsīrp* (в диал. Дундаги) — «сери» < др.-русс. *сѣрпъ* (форма *tsīrp* в диал. Дундаги обусловлена фонетическим влиянием латышского слова *cīrpe* с тем же значением); лив. *ānda* — «уда» < др.-русс. *Жда*; лив. *rāntōz* — «книга» < др.-русс. *грамота* и многие другие, свидетельствующие о тесных экономических и культурных связях между ливами и славянами.

¹ A. Gronski — O. Riss. *Vene ja eesti rahva sõpruse ajaloo*. Tallinn, 1950, стр. 7.

² История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, стр. 44 и след.

³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 59, 124, 249, 257. При рассмотрении соприкосновений ливского и русского языков была использована и работа студ. В. Палль «Русские заимствования в ливском языке», 1950.

¹ A. J. Sjögren. Bericht..., стр. 473.

Следует обратить внимание и на тот факт, что из русского языка заимствованы также слова *vabad* — «свободный» < русск. *свобода* и *sunđō* — «наказывать» < др.-русс. *сѣдѣти*, указывающие на общественно-административные отношения. Известно, что латыши Ерсике и Кокнесе были христианизированы русскими, имеются также данные о существовании в Ерсике нескольких церквей. Поэтому представляется вполне вероятным, что зачатки христианства проникли к ливам именно с востока, а не с запада. На этот факт указывает основная христианская лексика ливского языка, носящая явные следы русского происхождения: лив. *nā-diļ* — «неделя» < др.-русс. *недѣля*; лив. *rišt* — «крест» < др.-русс. *крѣстъ*; лив. *rār* < русск. *ноя*; лив. *raganōz* < русск. *поганый* и др. Необходимо отметить, что проникшие в ливский язык древнерусские заимствования имеются и в эстонском языке.

В 1212 г. полоцкий князь Владимир отказался от сбора дани с ливов с тем, чтобы по соглашению с немцами обеспечить полоцким купцам свободный доступ к морю¹. Основанный в 1201 г. в устье Западной Двины город Рига стал оплотом немецких колонизаторов, которые оттеснили от моря племена, жившие в бассейне Западной Двины.

Используя трудное положение полоцкого князя в борьбе с литовцами, немцы захватили ливские земли в Ливонии. В Куронии ливы были побеждены ими в 1267 г. Причины неудач прибалтийских племен в борьбе с немецкими захватчиками в XIII в. следует искать как во внешней, так и во внутренней обстановке того времени. Военное подчинение населения облегчалось захватчикам тем, что латышские, ливонские и эстонские племена еще не окончательно слились в народности, а были раздроблены².

В результате завоевания страны немцами в начале XIII в. тесные сношения между ливами и русскими прерываются. Лишь с эпохи Петра I жившие в Лифляндии ливы, численность которых к этому времени уже сильно сократилась, снова вступают в непосредственный контакт с русскими. Что же касается ливов Курляндии, то новые тесные связи с русскими возникают у них еще позднее. В 1730 г. на русский престол вступает курляндская герцогиня Анна, и с этого времени начинается новый период в истории взаимоотношений русского и ливского языков. На ливском побережье, помимо русских чиновников, бывало много русских пограничников, непосредственно общавшихся с рыбаками-ливами. В результате такого общения в ливский язык проникло весьма большое количество русских слов, которые были записаны в Дундаге многими исследователями. О том, что ливы знали и русский язык, неоднократно упоминает в своих путевых заметках акад. И. А. Шегрен³. К числу более поздних русских заимствований в ливском языке относятся следующие: *aršin* < *аршин*; *botška* < *бочка*; *brus* < *брус*; *garņits* < *гарнец*; *jupkō* < *юбка*; *klōk* < *клык*;

kuknō < *кухня*; *loža* < *ложь*; *palkovnika* < *полковник*; *rovār* < *новар*; *polk* < *полк*; *satograī* — «граммофон» < *самограф*; *skora* < *скоро*; < *spitškōz* < *спичка*; *štig* < *штык*; *uliki* < *улица*; *verst* < *верста* и много других слов из различных областей лексики.

В период существования буржуазной Латвийской республики связи между русским и ливским языками на некоторое время прервались. Однако начиная с 1940 г. эти соприкосновения снова стали весьма интенсивными. Из русского языка в ливский проникло немало слов советской эпохи, как, например, *artel* < *артель*; *kolhoz*, *kolgōz* < *колхоз*; *partīrg* < *парторг*; *brigadir*, *brigadōr* < *бригадир*; *kamandirofka* < *командировка*; *boļšōvika* < *большевик* и др.

Бросается в глаза различие между старыми и новыми заимствованиями из русского языка. Старые заимствования приняли фонетический облик, свойственный финно-угорской лексике, тогда как более новые фонетически близки к их русским прототипам. Этот факт объясняется тем, что с течением времени звуковая система ливского языка приблизилась к таковой латышского языка, который, в свою очередь, фонетически близок к русскому языку. Вследствие этого современный ливский язык может осваивать русские заимствования в форме, фонетически более близкой к русскому прототипу.

Таким образом, как показано выше, ливский язык в различные периоды заимствовал из русского языка большое количество слов, что содействовало его обогащению. Однако и в этом случае основной словарный фонд ливского языка остался прежним, как в главных чертах остался прежним и его грамматический строй.

VII

Говоря о соприкосновениях ливского языка с другими языками, нельзя обойти вопрос о влиянии на него немецкого, в частности нижненемецкого, языка. Когда в начале XIII в. немцы захватили Ливонию, населявшие ее ливы должны были поневоле войти в контакт с завоевателями и их языком. Языковые соприкосновения были наиболее интенсивными в тех местах, где ливы и немцы жили рядом, например в Риге и других городах. Что касается ливов Дундаги, то они имели сравнительно мало непосредственных соприкосновений с немцами, так как последние жили главным образом в расположенных далеко от побережья поместьях и городках. В связи с этим записанная в Дундаге лексика содержит весьма мало заимствований из немецкого языка. Немецкие, в частности нижненемецкие, заимствования относятся главным образом к мореходству, подобно тому, как и в других прибалтийских языках влияние нижненемецкого языка в этой области наиболее заметно. Объясняется это тем, что немцы после завоевания страны захватили в свои руки мореходство и заморскую торговлю, оттеснив ливов, латышей и эстонцев на задний план. Характерно, что значительная часть слов немецкого происхождения проникла в ливский язык через посредство латышского языка: на это указывает их фонетическая

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 140.

² История Латвийской ССР, т. I, стр. 91 и след.

³ А. J. Sjögren. Bericht..., стр. 519, 534.

сторона. Необходимо к тому же иметь в виду, что именно латыши жили вокруг крупных центров, населенных немцами.

Однако в ливском языке имеются также слова, проникшие в него непосредственно из немецкого языка. На такое заимствование указывает, например, наличие гласных *ö* и *ü* (-y), не известных латышскому языку, но встречающихся в ливских заимствованиях из немецкого. Таковы слова: лив. *löd* — «пуля» < нижненем. *löt*; лив. *bys* — «ружье» < нижненем. *büsse*; лив. *byksöd* — «штаны» < нижненем. *büxen*; лив. *tjyr* — «руль» < нижненем. *stür(e)* и др. Последнее из перечисленных слов своей формой свидетельствует о том, что оно проникло из нижненемецкого языка еще в то время, когда ливскому языку были чужды сочетания двух согласных в начале слова, и является поэтому древним заимствованием. К числу древних немецких заимствований принадлежат и те, где звонкий взрывной согласный в начале слова заменился соответствующим глухим, например: лив. *pyt* — «кадка» < нем. *bütte*; лив. *pitskōz*, *pitskōr* — «минога» < нем. *Blitzker*. Вообще немецких заимствований в ливском языке значительно меньше, чем латышских, причем они несколько не изменили его основного словарного фонда.

Другие местные языки не оказали сколько-нибудь значительного влияния на современный ливский язык Дундаги. Сюда относятся литовский, польский и еврейский языки, на которых говорят незначительные группы населения бывшей Курляндии.

VIII

Принимая во внимание все вышесказанное, в ходе развития ливского народа и его языка можно наметить следующие этапы.

Развитие человеческого общества в далеком прошлом обнаруживает в себе диалектическое единство двух противоположных тенденций. С одной стороны, из более мелких коллективов путем объединения возникали более крупные. С другой стороны, бывали и дробления, дифференциации, которые обуславливали выделение из первоначальной этнической общности отдельных этнических группировок. Ф. Энгельс указывал, что у каждого племени есть свой, лишь ему свойственный диалект. Фактически границы диалекта и племени в основном совпадают¹. Язык племени вообще весьма единообразен, так как при племенном строе говорящие на одном и том же языке коллективы и занимаемые ими территории, как правило, были еще слишком малы и не было условий для возникновения диалектов. Далее Ф. Энгельс показал, как с ростом населения племя распадается, а вместе с этим распадается и язык, вследствие чего создаются возможности для возникновения новых племен и новых диалектов. Ф. Энгельс называет этот процесс возникновением новых племен и диалек-

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 104 и след.; Л. М. Якубинский. Образование народностей и их языков. — «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 1, стр. 141 и след.

тов путем разветвления¹. Таков был, повидимому, и процесс образования ливского племени и языка. Обособление предков ливов произошло уже в ту эпоху, когда еще ни один прибалтийско-финский язык не сформировался во вполне самостоятельную единицу. Примерно в одно время с обособлением ливов вступили на самостоятельный путь развития также южные и северные эсты. Еще до отделения ливов у прибалтийско-финских племен были тесные соприкосновения с балтийскими племенами. Когда ливы стали жить обособленно и на основе их диалекта сформировался ливский язык, развивавшийся по своим внутренним законам, то последний в большей мере, чем все другие прибалтийско-финские языки, продолжал находиться в тесном контакте с языками балтийских племен, а позднее в особенности с латышским языком.

Идя собственным путем развития, ливский язык имел тесные соприкосновения и с языком восточных славян бассейна Западной Двины.

Ливы жили на достаточно обширной территории, распадаясь на отдельные группировки: ливы придвинские, пригауяские, метсепольские и курляндские. Однако ливский язык не утратил своего единства, о чем свидетельствует сохранившийся до XIX в. язык последних метсепольских ливов в Салатси. Ливские диалекты Салатси и Дундаги очень близки друг к другу, хотя их соприкосновения и носили в последнее время весьма случайный характер. Во времена Генриха Латвийского ливы говорили, повидимому, на еще более близких друг другу наречиях. Обращает на себя внимание тот факт, что как в русских летописях, так и в Хронике Генриха Латвийского ливы рассматриваются как одно целое. Уже до начала XIII в. на территории исторической Ливонии складывался ливский народ. Однако этот процесс протекал иначе, чем формирование латышского и эстонского народов. В бассейне Западной Двины, в Идумее и Куронии уже при Генрихе Латвийском ливы жили вперемежку с латгалами, но области со смешанным населением имелись и ранее, как на это указывают данные археологии. Там, где ливы жили отдельно от латгалов, их поселения тянулись довольно узкой полосой вдоль морского или речного берега. Таким образом, латгалы и другие балтийские племена были всюду их близкими соседями.

В период захвата Ливонии немцами ливы пострадали в большей мере, чем другие исконные жители этой страны. Ливов насильственно заставляли принимать участие в походах против эстов, где они несли большие потери. Набег эстов, в свою очередь, были направлены главным образом на ливские поселения. Через территорию ливов постоянно проходили и другие соседи, либо опустошая их земли, либо уводя их с собой в походы, о чем неоднократно говорит Генрих Латвийский в своей Хронике. Вследствие этого уже в начале XIII в. население ливских областей весьма сильно поредело, и они стали постепенно заселяться прибывавшими с востока ла-

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 104 и след.

тышами. С течением времени области со смешанным населением все более увеличивались, и латышский язык мало-помалу брал верх над ливским языком. Ливские поселения образовали как бы островки среди латышского населения, причем говорившие на ливском языке коллективы местами сохранялись дольше, местами же сравнительно быстро слились с латышами. В конце XVII в. историк Томас Ярне встречал ливов еще всюду в области между Лимбажи и Цесис¹. В XVIII в. на территории прежней Ливонии еще во многих местах имелись небольшие поселения ливов², а в Салатси, как уже сказано, ливский язык вымер лишь во второй половине XIX в. Поскольку быстрое слияние ливов с латышами началось в то время, когда народности Прибалтики еще только складывались, процесс формирования ливской народности носил иной характер по сравнению с тем же процессом у ее соседей. На то, что ливы издавна говорили на двух языках, указывает уже Т. Ярне. Становясь частью латышской народности, ливы еще некоторое время сохраняли двуязычие. Когда же обиходным языком ливов становился латышский язык, происходило их полное слияние с латышами, с сохранением ливского субстрата в отдельных латышских диалектах.

Захват страны немцами привел к крупным изменениям и в экономической жизни ливов. Так как весьма значительная часть ливской территории представляет собой приморскую полосу с песчаной почвой, то для земледелия она менее пригодна, чем расположенные внутри страны земли латышей. В хозяйственной жизни ливов большую роль играло мореходство, и торговые пути, проходившие через ливские области, являлись важным источником дохода для населения. С завоеванием же страны немцами ливы были оттеснены от моря, и торговля перешла в руки пришлого немецкого купечества. В результате этих перемен хозяйственная жизнь ливов пришла в упадок.

Лишь в отношении Курляндии, где ливские поселения были географически в достаточной мере обособлены от латышских областей и где ливы попрежнему занимались особым, связанным с морем промыслом, можно говорить о формировании ливской народности. Но и здесь в противоположность условиям развития народов — латышей и эстов, у ливов не создалось условий для того, чтобы сложиться в нацию.

В эпоху, отделенную от нас двумя-тремя поколениями, существовали и особые черты ливской культуры — свои народные песни и сказки, а также свое народное прикладное искусство, со специфическими текстильными узорами и мебельными украшениями. Однако в настоящее время эти своеобразные черты ливской культуры частью уже отмерли, частью отмирают. По своему психическому складу современный лив ничем не от-

¹ Th. Hiä r n e. Collectanea, т. II, стр. 62, рукопись, находящаяся в Центральном государственном архиве Латвийской ССР в Риге; е го ж е. Ehst Lyf- und Lettlaendische Geschichte. Monumenta Livoniae Antiquae, т. I. Riga — Dorpat — Leipzig, 1835, стр. 13.

² J. L. B ö r g e r. Versuch über Alterthümer Lieflands und seiner Völker, besonders der Letten. Riga, 1778, стр. 85.

личается от живущего бок о бок с ним латыша. Об особенностях экономической жизни ливов в настоящем не может быть речи. В период феодализма экономика ливских хозяйств составляла лишь одно из звеньев в экономике крупных помещиков Дундаги и Попе. В позднейшее время ливы жили общей экономической жизнью с соседями латышами.

Начиная с периода латышского национального движения, ливы сливаются с латышской нацией. О борцах латышской национальности против немцев, например о Кришьяне Вальдемаре, ливы говорят с таким же уважением, как и сами латыши. В противоположность латышам и эстонцам ливы не имели своей эпохи национального движения. Просветительскую деятельность отдельных ливов (Н. Польмана и Я. Принца) в области языка, поощрявшуюся академиком И. А. Шегреном и Ф. И. Видеманом, разумеется, нельзя считать национальным движением. В настоящее время у ливов имеются общая с латышами территория в широком смысле слова, общая экономическая жизнь и, как уже сказано, общий психический склад. Поэтому вполне понятно, что несколько сот ливов, еще сохраняющих в обиходе свой язык, в конечном счете сольются с латышской нацией.